

Живое авторское слово
Квобрахо

Альманах

Живое авторское слово
Квебрахо. Альманах

«Издательские решения»

Живое авторское слово

Квебрахо. Альманах / Живое авторское слово — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836672-7

Мы, участники антологии, именно словесники, а не только любители изящного. Художественное слово заключает в себе всё. В лучших своих проявлениях оно вечно и современно. Ведь поэзия обитает в языке, а язык меняется с ходом времени и вместе с тем остаётся тем же, поскольку несёт в себе культурную память прошлого. Язык связывает эпохи, как телефон связывает взаимно удалённых абонентов. Таинственное исчадие времени, язык, особенно язык поэзии, помогает преодолеть времена и расстояния.

ISBN 978-5-44-836672-7

© Живое авторское слово
© Издательские решения

Содержание

Зарыть топор и не ломать копыя...	6
Проект «Живое авторское слово»	7
АЛЕКСАНДР КЁНИГ	8
Зимнее сальдо	9
КОНСТАНТИН ДОМАРЁВ	18
Школьный детектив	19
Однокласснику	24
«Ты ушла в неведомые дали...»	25
«Я устаю от шума городского...»	26
«Несёт меня Ракета...»	27
Осенний вальс	28
Эхо прошедшей войны	29
Ницше	30
Ёжик	31
«Налетела туча...»	32
«Четыре дня в безмолвье белом...»	33
ДИАНА ЛУНИТ	34
Цепи любви	35
ГЕННАДИЙ КУЛЕШОВ	42
Мания величия, звёздная пыль и чёрные дыры вселенной	43
Часть I	44
Часть II	49
Чёрная дыра	50
Шапка невидимка	53
Мироздание	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Квебрахо

Альманах

Живое авторское слово

© Живое авторское слово, 2017

© Марина Федоровна Сорокина, иллюстрации, 2017

Редактор Татьяна Евгеньевна Помысова

ISBN 978-5-4483-6672-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зарыть топор и не ломать копья...

Семь лет назад литератор и подвижник Татьяна Помысова задумала и запустила книжный проект «Антология сетевой поэзии». Как он появился и зачем он был нужен Татьяне? Чтобы иметь возможность печатать свое? Но, согласитесь, когда хотят печатать свое, его и печатают. Тем более, что работа над литературными, книжными проектами началась с выхода персонального сборника стихов Т. Помысовой – «Дежа вю».

А Татьяне по-настоящему интересно, что и как пишут другие. И она год за годом собирает под одной обложкой творчество очень разных людей. Она умеет заинтересовать, привлечь авторов, пригласить вовремя.

В 2013 году была основана новая серия сборников – «Живое авторское слово».

Постепенно сложился авторский костяк: поэты и прозаики публиковали свои произведения в каждом выпуске. Кроме того, в каждой книге серии появлялись новые интересные авторы.

Все сборники выпущены за счёт средств авторов.

Некоторое время назад в силу объективных причин наметился перерыв в выходе книг серии.

И вот неожиданно пришли к Татьяне люди и сказали, что новый сборник делать надо. Несмотря и вопреки. А может быть, благодаря!

И вот книжка уже собрана. Назвали её «Квебрахо».

Квебрахо – это вечнозеленое мощное дерево, которое растёт в Чили, Аргентине и Боливии. Слово происходит от испанского *quiebra-hacha* – «ломать топор» – и объясняется высокой твёрдостью древесины этих деревьев.

Твёрдость, стойкость, выносливость, – вот о чём речь...

А если – топор, то только зарыть его поглубже. Чтобы – мир.

И не ломать копья. Ничего не ломать. Никаких не вести ожесточённых споров. А просто делать что должно, и будь что будет...

Среди авторов нового сборника – люди разных профессий и занятий. Но все они пишут и хотят поделиться с миром плодами своего творчества.

Татьяна Помысова напоминает: «Не забывай, что среди авторов-современников ты обязательно найдёшь того, кто созвучен именно тебе».

«Квебрахо» надо читать!

Юлия КАГАРЛИЦКАЯ

Проект «Живое авторское слово»

Эта многотомная антология призвана дать возможность современным авторам найти свою аудиторию.

Художественное слово – есть то, что всегда востребовано, всегда живо и постоянно, и бесконечно. В слове обитает тайна, потому что слово неисчерпаемо многомерно, непостижимо и связано с ритмом Божественной вселенной. Не случайно Маяковский в своё время грезил языком и выискивал в мировой пустыне «какое-то слово, величием равное Богу».

Не случайно и наши сборники называются «Живое авторское слово». Помимо слова в стихе, да и в прозе существует много чего – интонация, жест, даже цвет. И всё-таки, мы, участники антологии, именно словесники. Ведь поэзия обитает в языке, а язык меняется с ходом времени и вместе с тем остаётся тем же, поскольку несёт в себе культурную память близкого и далёкого прошлого. Язык связывает эпохи, как телефон или электронная почта связывает взаимно удалённых абонентов. Таинственное исчадие времени, язык, особенно язык поэзии, помогает подчас преодолеть времена и расстояния.

Сборник «Квебрахо» – уже не первый альманах в серии «Живое авторское слово», вобравший в себя стихи и прозу.

Коллектив авторов доверил Татьяне Евгеньевне Помысовой составить сборник и издать его в Ридеро. Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

АЛЕКСАНДР КЁНИГ

Родился, совершенно неожиданно (для себя) в середине прошлого столетия, слегка преждевременно (судя по интересам), или запоздав (судя по характеру). Детство совпало с хрущёвской оттепелью, юность с брежневским застоём. Андроповско-черненко́вское межвременье провёл в армии. Чуть не попал на Олимпиаду-80; постоял у истоков брейк-данса, компьютеризации и видео в родных краях; удосужился даже погнусавить за кадром голливудских блокбастеров. В детстве довелось побывать за границей, в кризисе. В результате, пришёл к мнению, что лучшего применения себе и не придумаешь. Перестроечно-независимые времена, не имея даже загранпаспорта, провёл за рубежами агонизирующей совдепии. На пенсии очутился в новой стране, с новыми порядками, и даже с новым языком.

По рождению – украинец, по родословной – австриец, по месту проживания – житель Европы, по духу – словянин (в смысле – тяготею к слОву, а не к слАве). По воспитанию – аристократ, по доходам – зажиточный, по потребностям – ещё недостаточно.

Бумагу порчу давно: то школьными сочинениями, то конспектами чужих мыслей, то записками со своими. Печататься начал со школьной стенгазеты, городских много- и малотиражек. Постепенно дорос до журналов и книжек в переплёте.

Днепровский осенний триместр 2013 года был самый удачный в творческом плане. Посудите сами: две пьесы, повесть, несколько рассказов и новелл, первая публикация и сразу за границей, номинация на российскую премию «Народный писатель».

Правда, в последнее время, вношу лепту в защиту окружающей среды – большая часть «творений» уходит в мир иной, электронный. Пусть Интернет им будет пухом!

Для начала, думаю, хватит. Пора притормозить... А то слишком много будете знать обо мне...

Зимнее сальдо

(Святочное чтиво – основано, почти полностью, на реальных событиях)

– Чёртовы дети! – щёлкнули счёты, и над ворохом бумаг взошла полнолуная лысина Изи Пиновича.

Кряхтя, немолодой и невысокий, но пухленький бухгалтер в костюме булгаковской несвежести и в сатиновых нарукавниках, выкарабкался из-за огромного канцелярского стола времён соцсоревнований и соцзавоеваний и побрёл к окну. Путь преграждали картонные коробки и связки скоросшивателей с финансовой документацией. Как заправский слаломист, Пинович проложил меж ними извилистую лыжню. Но, когда он, наконец, достиг намеченной цели, за окном неожиданно раздался финишный звонок. Это в расположенной по соседству школе закончилась перемена. Детский гомон автоматически сошёл на нет.

– Когда у них уже каникулы начнутся! – Пинович в очередной раз чертыхнулся. Из находившегося этажом выше офиса доносилось клацанье абака. «Не идти же через сорок пять минут опять...» – подумал бухгалтер и закрыл окно. За стеклом осталась пасмурно-туманная мгла нестандартной для зимы, впрочем, обычной для этих южных мест грязно-слякотной погоды. Молоко ранних сумерек не добавляло света ни внутри офиса, ни в душе клерка. Изя Пинович с досадой посмотрел на засиженную мухами лампочку, желтевшую на высоком потолке. «Интересно, как они туда будут забираться, когда она перегорит?» – подумал он, прикидывая высоту необходимой для такой операции стремянки. Нога упёрлась во что-то твёрдое, и Пинович зашатался, теряя равновесие.

– Что б тебя... – он опустил взгляд на пол и со злобой пнул встретившийся на пути свёрток. Тот жалобно хрустнул. «Нервишки-то того, начинают сдавать! – озаботился бухгалтер на обратном пути к столу – Давно не отдыхал. Совсем червём бумажным в цифирной пыли заделался!» Он миновал целлюлозно-бумажные препятствия, остававшиеся на трассе, и вполне благополучно добрался до видавшего виды облезшего стула, на котором восседало не одно поколение клерков. «А раньше бывало... – мысли оторвались от конторской действительности и понеслись вспять по волнам памяти – В бытность школьником уроки делал только под „рентгено-рёберную“ музыку. Мать удивлялась, как мне удавалось всё считать-вычислять под грохот полуплеганого в те годы рок-н-ролла. И уличный шум-гам снаружи, как ни странно, тоже не был помехой!» Изипинович или просто Изопрен*, как за глаза звали коллеги изворотливого сына своего народа за чрезмерную каучуко-податливость и финансовую гибкость, с досадой сбросил все костяшки на счётах.

«Может действительно, вспомнить молодость и попробовать работать под музыку?» – мелькнула мысль и заставила Изипиновича вторично встать с насиженного места. В центре голой белой стены, как баскетбольное кольцо, висел чёрный короб радиоточки. Бросок спортивного тиххода был почти молниеносный – как результат, через минуту комнату наполнили финальные аккорды и овации зрителей. Это аплодисменты публики с какого-то концерта сопровождали возвращение Изопрена к столу.

– А теперь – реклама! – бодро объявил динамик, вынудив пожилого бухгалтера помянуть нечистого в третий раз. Кто-то снова наверху передвинул кости. Под колготки и жвачки работать не получалось совсем. Изя Пинович решил на паузу, достал из внутреннего кармана пиджака газету «Физкультура и спорт» и бодро побежал глазами по строчкам: футбол, биодобавки, лёгкая атлетика, спортивная обувь, хоккей, тренажёры... Изя, так и не сосредоточившись на чтении, послал всех спортсменов и журналистов к их рекламодателям, положил локти на стол, подпёр голову и стоически стал ждать окончания рекламных радиопыток. Моющие средства сменялись кондитерскими изделиями, за косметикой шли лекарства – торговому

ассортименту, казалось, не будет конца. Но вдруг Изипинович насторожился: мужской голос слащаво-назойливого коммивояжера пропал. Ему на смену пришёл высокий женский, нежно и ласково начавший приглашать всех желающих совершить круиз.

– М-да, неплохо было бы! – мечтательно закатил глаза финансовый работник, убаюканный радио-рекламным гипнозом – Море, белый теплоход, чужие страны, девушки и – никаких бумаг! И – главное – никаких постоянных звонков: Сына, ты где? Когда будешь дома? Обедал? А ты тепло оделся? Не задерживайся...

Но райское наслаждение длилось недолго – за дело вновь принялся бойкий коммивояжер, наполняя радиоэфир дезодорантами, прокладками и прочими наименее необходимыми именно здесь и сейчас вещами. Терпение бухгалтера подошло к концу. Под стук абака, послав чёрта к его же матери, Изя Пинович в третий раз покинул своё место запасных игроков и, как ледокол, раздвигая архивные заторы на пути, проложил фарватер к ненавистному динамику, маячившему чёрной точкой на далёком белёсом горизонте. Радиоторгаш подавился шоколадным батончиком, так и не успев объяснить, почему тот не тонет...

Дверь в бухгалтерию распахнулась на полную ширину проёма. От косяка до косяка всю площадь входа занял безразмерный малиновый пиджак нувориша местного разлива Парфентия.

– Ну чё, Пино... ккио, всё корпишь? – Парфентий уставился на своего допотопно-старорежимного главбуха. «Давно пора сменить его на что-то более приличное и приятное» – мелькнула шальная мысль – «только кому можно довериться-то нынче? Слишком уж много знать ему доводится».

– И где мои денежки произрастают, на каком поле, не скажешь? – уже вслух продолжил Парфентий. Он любил шикануть своими познаниями. – Одно греет – знаю, где эта Страна дураков!

Парфентий зашёлся в смехе, слезах и слюнях от собственной шутки.

– Ты это, отчёты, квартальный и годовой, как? – наконец смог он выдавить из себя, утираясь платком размером в простыню.

– Всё почти готово, завтра можно будет баланс сдавать... – Пинович поспешил схватить со стола и протянул хозяину несколько папок.

– Да чё ты мне их суёшь! Готово – так готово, молодец, отправляй! Мне бы твои заботы... – хозяин сплюнул в сердцах и повернулся к выходу. Его шарообразно-боулинговая голова с лоснящимся лицом была занята решением новых проблем, свалившихся как снег на неё же.

Недавно официально объявленный и разрешённый политический поворот от социалистического лица к капиталистическому рылу вылился в разгул рыночной, нет, вернее – базарной экономики. Ранее запрещённая спекуляция в свете новых постановлений оказалась очень даже востребованной коммерцией. И стар, и млад ударились в бизнес, ушли в него, что говорится, с головой. Правда многие при этом котелок повредили, а то и вообще потеряли. Парфентий же и его дело росли параллельно, как на дрожжах: торговля ширилась и выходила за рамки родного города, хозяину же всё труднее становилось с каждым днём протискиваться в офис.

В преддверии Нового года Парфентий был озабочен двумя производственными вещами: предстояло поменять входную дверь на двустворчатую, а также – сменить структуру закупок. Дело в том, что эпохе дикого капитализма и накопления первичного капитала была присуща нестабильность правил игры. Каждый день выходили новые законы и акты, порой кардинально переставлявшие всё с ног на голову. Менты, налоговики, санитары, пожарники – кто только не «пасся» на его лужку... «Ясное дело – жрать то всем хочется, чтоб они провалились!» – из ниоткуда донёсся очередной щелчок. Кругом был полный бардак и беспредел: постоянные проверки и ревизии, контроль и отчётность, поборы и взятки – всё это напрягало, доставало и мешало Парфентию, привыкшему жить по понятиям.

Но хуже всего, что государство само не понимало, чего хочет: то одно разрешает – то запрещает, то это можно – то нельзя. И все норвило что-то новое выдумать аккуратно к Новому году. Эдакий сюрприз-подарочек для взрослых под ёлочку, типа перемен в налоговом-бухгалтерском законодательстве или новых цен и тарифов для любимого народца от красноносого Президента. Вот и сегодня преподнесли очередное таможенное новшество, блин! Если раньше можно было снарядить за границу одного челнока с баблом за неограниченным количеством товара, то по новому закону вводили с первого января ограничение на стоимость и вес ввозимого одним человеком. Это ж надо было додуматься! У Парфентия срывалась очередная поставка. Теперь, чтоб ввезти всё заказанное, ему предстояло отправить за рубеж с десяток ходоков. Расходы, хрен с ними, не проблема – цены взлетят и всё перекроют. А вот где найти срочно столько гонцов? Не посылать же своих шестёрок, они здесь нужнее для охраны и поддержания порядка. Времена-то ныне крутые и нестабильные – стрелку в любой момент забить могут. Взгляд Парфентия упал на плешь Изопрена, где играли в прятки два с половиной волоска. «А что, удачная находка – прикинул он, – убьём двух... – Парфентий задумался, кому это он собирается свернуть голову, потом спохватился, – то бишь, будем сочетать полезное с приятным!»

– Так, Пино... колада, – шеф, разбирающийся в напитках не хуже, а может и лучше, чем в литературе, на ходу придумал несчастному еврею новую кликуху, – сворачивай своё бумагомарание и готовься к празднику. Я решил тебя наградить за хорошую работу – поедешь в круиз, встретишь новогодние праздники за границей... как человек. А на обратном пути – захватишь товар.

Ошарашенный Изипинович не знал, что и сказать. – Спасибо, конечно, но... У меня мать большая дома, пожилая... Я не могу надолго уезжать... – У Пиновича, считавшего Новый Год самым и исключительно семейным праздником, перед глазами возникло и стало медленно исчезать мамино коронное блюдо – фаршированная рыба-фиш.

– Ничего, это не проблема – мои хлопцы за ней присмотрят! – Парфентий повернулся уходить. – Да и ненадолго это – смотаешься через море к туркам и обратно.

– И я ещё, это, качки** боюсь! – сглотнув слюну, вовремя вспомнил о своих проблемах Изопрен, с детства имевший слабый вестибулярный аппарат, и даже не овладевший из-за этого велосипедом.

– А это тут ещё причём? Совсем оборзел, чудило – уток он боится. Да я тебя!..

– Каких уток? Качка – этого я боюсь!

– Его, что ли? – покосился на дверь Парфентий. – Так он не едет, тут остаётся...

– Да плевал я на твоего качка! – выпалил в сердцах Изопрен и, в свою очередь, бросив взгляд на дверь, испуганно прикусил язык. – Укачивает меня...

– Ну, ты даёшь – проблему нашёл, – у олигарха отлегло от сердца. – Дёрнешь конины – и вмиг забудешь обо всех неладах!

– У меня и загранпаспорта-то нет, – обречённо сделал последнюю попытку откреститься от хозяйской милости бухгалтер.

– Глод! – гаркнул Парфентий. Дверь приоткрылась и где-то под потолком в контору просунулась небольшая бритая голова братка – Организуй ксиву и тикет на круиз нашему финансисту, – голова исчезла, – а это тебе тринадцатая зарплата, на гульки. Или, может, купишь себе там, наконец, калькулятор, ... ретроград! – Парфентий сам удивился, что это за неведомое слово вылетело из его уст. Мотнув головой, как бы желая избавиться от заскочившего в неё чужеродного элемента, он отслонявил и кинул на стол несколько купюр.

Малиновый пиджак шефа скрылся за дверью. Пинович так и остался стоять в растерянности. Ворох бумаг на столе, заколыхавшихся при открытии двери, напомнил о морских волнах. От одной мысли к горлу подступил ком, и стало дурно.

* * *

Через два дня Изопрен с небольшим картонным чемоданчиком обречённо всходил по трапу на борт белого лайнера. Хотя шальная мысль вырваться из-под опеки матери и отдохнуть в круизе мелькала недавно в его голове, то, что эта несбыточная мечта может воплотиться в реальность, причём так неожиданно быстро – об этом он не мог и помыслить! Пинович не знал, радоваться ему или печалиться. С одной стороны – круиз на шару. С другой – а как традиция встречать Новый год в кругу семьи? Да и переживания за мать, боязнь морской болезни, непонятка с товаром для шефа. Хотя с последним как бы проблем быть не должно: Парфентий предупредил, что расчётами и погрузкой-выгрузкой займётся бригадир. Дело Пиновича – лишь вписать бабки и товар в свою таможенную декларацию. Что за товар, сколько его – об этом пообещали сказать позже.

– Айкас, бригадыр, – в каюту зашёл второй постоялец. Он бегло зыркнул на узкую откидную кровать, грязно-мутные иллюминаторы, выдавший виды ковёр, поскрёб небритость на квадратном подбородке, кинул в шкаф барсетку и вышел, не удостоив попутчика своим дальнейшим вниманием. Задумавшийся «за жизнь» Изипинович не успел даже представиться в ответ.

– Эх, гулять, так гулять! – отбросил он все тревожные мысли и отправился на поиски бара. Не прошло и часа, как повеселевший и уже довольный жизнью Пинович вернулся в каюту. По дороге он еле разминулся в коридоре с кем-то в морской форме и откровенно поделился с ним радостью: «Отличный с-с-совет мне дали – чтоб... не страдать от морской болезни... надо пить коньяк!» – Пинович упирался в узком проходе руками в противоположные переборки, что скорей всего позволяло ему сохранять не только равновесие, но и членораздельность речи, – «и знаете ли, о-о-чень помогает!» «Конечно, помогает, – ухмыльнулся моряк вечнозелёной флотской бородатости, – тем более, что мы ещё от пирса не отошли». Отодвинув поддавшего туриста, человек в форме пошёл своим путём, а потерявший ориентацию и точку опоры Пинович ещё долго крутился на одном месте, пытаясь понять в какой стороне его каюта.

Её он нашёл, так как очнулся на следующий день в своих апартаментах, лежащим одетым, поперёк койки. Правда это несколько неточно сказано: на кровати лежала на животе лишь верхняя часть тела Изипиновича. Нижняя же часть стояла перед койкой на коленях, как бы замаливая вчерашние грехи верхней. От носатого Айкаса в каюте не было ни слуху, ни духу.

Вернувшись к обеду в человеческий облик, Изя Пинович с ужасом вспомнил, что нынешняя ночь – новогодняя и, следовательно, его организму предстояло выдержать очередную серию возлияний. Новогодний круиз – это «пьяный» круиз, к нему в равной степени готовились как гости, так и экипаж теплохода. Запасы спиртного на борту, по всей видимости, превышали запасы топлива для двигателей. Из многолетнего опыта капитан знал, что для такого путешествия, в принципе, даже нет надобности выходить из порта. Туристам, по большому счёту, было глубоко наплевать, куда их везут и зачем. Многие даже не выходили все дни из каюты. Думаете, они страдали от укачивания? Как бы ни так: их как грузили на борт «подшофе» заботливые руки братков, так и принимали обратно по возвращению, в том же состоянии.

Вырвавшийся на свободу, впервые в жизни оторвавшийся от счетов и накладных, Изопрен буквально ошалел и пустился во все тяжкие. Вернувшись в бар, он принялся дегустировать подряд все напитки на стойке. Бармены только успевали открывать бутылку за бутылкой и пододвигать ему стаканы и рюмки. Градус напитков можно было, как по шкале определять цветовой гаммой лысины Пиновича. Чем ближе бой Курантов, тем больше Изипинович становился похож на Деда Мороза. Его нос горел индикатором веселья, приближавшегося к апогею.

* * *

Всё население небольшого посёлка, каким можно представить корабль в море, бурно провожало уходящий год, обмывало успехи и достижения, пило за грядущие удачу и доходы. В воздухе, пропитанном винными, пивными, коньячными и прочими алкогольными парами, висел плотный, осязаемый всеми органами чувств гам из тостов, разговоров, комплиментов и склок. Публика дошла уже до той кондиции, когда каждый разговаривал и пил сам с собой. Туристы, соревнуясь в скорости поднятия и опрокидывания рюмок, давно перешли от длинного русского «Будем богаты и здоровы!» до простого и короткого украинского «Будьмо!». Каждому было понятно и без преамбулы, за что они пьют. Важен был сам факт.

Среди всего этого бедлама и кутежа растерянно бродил, беспомощно хлопая руками в рукавицах по кафтану, совершенно, как стёклышко, трезвый, грустный Дед Мороз. Его, актёра драматического театра, подрядила в этот рейс туристическая фирма, зафрахтовавшая теплоход.

– Вам особенного ничего и делать не придётся, – мельком проинструктировала артиста перед отправкой бойкая дама в туруфисе, – поздравите с Новым годом, расскажете пару анекдотов – и всё!

«Конечно, если б я был нормальным артистом, – с досадой думал удивительный Дед Мороз, – то проблем не было бы. Заложил бы сейчас за воротник со всей честной компанией, растворился, как говорится, в массах – и был таков. Новогодняя кампания прошла бы на „ура“! Так нет же – дёрнул чёрт закодироваться от „зелёного змия“!» Сглотнув слюну, артист сокрушённо покачал головой. Где-то что-то отчётливо хрустнуло, наверное, в шее.

Надо отдать должное служителю Мельпомены – как настоящий профессионал, он старательно и серьёзно подошёл к возложенной миссии: подготовил специальную программу, подобрал игры и конкурсы, запасася призами и подарками...

«Эх, да кому это здесь нужно, пропади оно всё пропадом!» – злополучный Дед Мороз в полной экипировке пробирался по залу, раздвигая посохом хитросплетение ног, рук и человеческих тел. – «Да, нелегко быть абстинентом в пьяном обществе, где питье определяет сознание!» Такое празднование могло присниться только в дурном сне претендующему на белочку забулдыге.

– Дедушка Мороз! Иди к нам! – то слева, то справа тянулись наполненные рюмки, за полы красного халата пытались уцепиться пьяные пальцы.

– А давай выпьем за компанию, на брум... брюн... ден... шарф! – на шее повисла и запуталась в ватной бороде девица на ватных ногах.

«Если сэкономили на Снегурке, так хоть адвентского Крампуса***-секьюрити дали бы в напарники, – Дед Мороз, прислушиваясь к непонятным щёлкающим звукам, напоминающим ломающийся хворост, позавидовал Санта-Клаусу и Святому Николаю вместе взятым, – Тут есть где разгуляться – демон Рождества быстро навёл бы порядок, отхлестал розгами негодников или уволок их в своей кадке...»

Из вестибюля донеслись крики и брань. Выглянув туда, Дед Мороз увидел капитана, пытавшегося урезонить двух бугаёв, тащивших огромный сундук.

– Что там у вас? – подозрительно спросил офицер, и Дед Мороз, к своему удивлению, понял, что он, оказывается, не единственный трезвый человек на судне.

– Веер-ферк! – с трудом выговорил один из несунув.

Капитан побелел под цвет парохода, но сохранил корректность. Он вызвал матросов, приказал отобрать и спрятать короб.

– Получите его в порту! – тоном, не допускающим возражений, заявил капитан.

– И делайте с ним что хотите, но только на берегу! – добавил он, не обращая внимания на отборную ругань в свой адрес. С верхней палубы донёлся треск и хлопки, и капитан поспешил туда проверить петардно – хлопшечную обстановку.

Инцидент был исчерпан. Дед Мороз глянул на часы и выругался – стрелки вели уже отсчёт наступившего Нового года. Шумная компания, успевшая отметить наступление праздника в нескольких часовых поясах, собственный как-то и не заметила. Пиршество в зале находилось в полном разгаре.

– Интересно, а до американского у них хватит сил и запасов? – процедил сквозь зубы обиженный в лучших своих чувствах невостребованный драматический артист и отправился спать. «Одно хоть преимущество, если не считать бесплатной поездки и гонорара, – думал он на ходу, – это отдельная каюта». Для него одного фирма выделила двухместную каюту, так как культорганизатору полагалось взять с собой карнавальные костюмы и кучу всякого инвентаря и призов для лотерей. Всё это ему перед отправкой сгрузили в апартаменты. Но каюта попалась довольно просторная, коробки реквизита спрятались по углам, а обе койки остались свободными. «И что теперь прикажете делать с этими масками и хлопшечками?» – успел подумать новогодний дед перед тем, как забросить в дальний угол, оставшийся полным мешок дармовых подарков, и отдаться объятиям праздничной ночи.

Его разбудили странные звуки. «Старое корыто», – не открывая глаз, прокомментировал сам себе доносившиеся скрипы и скрежет. Казалось, что судно перегибается на волнах, все его швы и стыки вот-вот разойдутся, и оно развалится на несколько частей, как славноизвестный «Титаник». Аудиокартинка складывалась, конечно, жуткая. Но, когда к ней добавились ещё охи и ахи, артист немедленно открыл глаза и в сумеречном свете несовершенномесечной луны, бесстыдно заглядывавшей в иллюминатор, увидел на соседней койке пару в недвусмысленной коленопреклонённой позе. «А это что ещё за чертовщина?» – широко открытыми в темноте глазами несостоявшийся Дед Мороз наблюдал за тем, чего в Советском Союзе ещё совсем недавно официально не было, и быть не могло никогда. Скрип продолжал перемежаться щелчками и стуком. «Вот оно, тлетворное влияние Запада!» – вспомнилась цитата киноклассики. Но судно шло не на Запад, а на Восток. «Вот оно, тлетворное влияние Востока! – творчески переиначил артист. – Прямо Камасутра какая-то!» Он зевнул и прикрыл глаза, а когда их открыл – в иллюминатор било утреннее солнце, и в каюте не было никого постороннего. О ночном происшествии напоминало лишь скомканное на соседней койке постельное бельё. «Это ж надо, такую живую порнуху проспал!» – искренняя досада и отнюдь не наигранное сожаление о пропущенном представлении проступили на лице артиста.

* * *

Грохот костяшек абака, такой привычный Изипиновичу по жизни, разбудил его в этот раз как артиллерийская канонада. С трудом отодрав лицо от стойки бара, и приоткрыв заплывшие глаза, он с изумлением увидел перед собой... ангела. Нет, присмотревшись, он понял, что это был не ангел. Ангелы – они мужского пола, кажется... А это была – фея, скорее даже – бухгалтерская муза. У стойки рядом с Пиновичем, с трудом и опасностью для жизни окружающих, на высоком барном стульчике грациозно балансировала пятой точкой дородная пергидролевая**** блондинка. Много её было во всех отношениях – от шевелюры, взлохмаченной химией, до телес, выдающихся во всех местах, как спереди, так и сзади, а особенно с боков. Сходство с крылатой ангело-феей придавал наброшенный на грудь белый пуховый платок, концы которого топорщились крылышками на спине. Бухгалтерская богиня держала в левой руке пачку накладных, а правой выдавала очередь за очередью на счётах.

– Извините, что потревожили, – бархатный голос музыки был пышен и приторен подобно заварному пирожному, – но нам надо срочно сверить остатки.

Слова «срочно сверить остатки» прозвучали для Изопрена отрезвляющим заклинанием. Он подскочил «готовый к труду и обороне», и только тогда вспомнил, что здесь он не на работе, а на отдыхе. Сделав вид, что удобнее садится за стойкой, Изипинович полностью разлепил глаза и осмотрел заведение. Следов ночной гульки не осталось и в помине: всё убрано-вылизано, посуда перемыта, опустошённая тара и останки разбитых фужеров вынесены, их место на витрине заняли непочатые бутылки и кристально чистое стекло. Помещение было почти пустым. Кроме Пиновича и феи, за стойкой стоял бармен, а в дальнем углу за одним столиком примостилась небольшая компания то ли забывших вчера уйти, то ли слишком рано вернувшихся на опохмел посетителей. Обратив взгляд к «богине», Пинович заметил, как та, делая вид, что перебирает бумаги, исподтишка косится на него. Почувствовав взгляд туриста, женщина вернулась к подсчётам. Она, то бросала взгляд в очередную квитанцию, то переводила его на счёты и перекидывала костяшки. Дивные звуки, напоминавшие стук кастаньет или каблучков испанской танцовщицы, убаюкивали. Пинович заврожено наблюдал, как молниеносно ангелица успевала не только двигать туда-сюда косточки, но и записывать получившиеся циферки.

– Давайте я вам буду диктовать, – неожиданно для себя предложил Пинович, – или вы диктуйте, а я буду считать.

– А вы что, умеете? – подозрительно спросила женщина, с сомнением рассматривая физиономию визави, с одной стороны примятую прошлогодней бурной ночью, а с другой – отутюженную и расплюснутую мраморной поверхностью стойки.

– Если позволите... Разрешите представиться – Изя Пинович, главный бухгалтер.

– Очень приятно!.. Маргарита Павловна, бухгалтер судна.

Так завязалось весьма приятное и полезное для Изопрена знакомство. Оно было даже в некотором роде судьбоносным, но об этом он узнал немного позже. А пока Пинович, успевший за сутки соскучиться по родной стихии, с головой окунулся в финансово-валютную бездну. Он с интересом вникал в новые для него формы отчётности, а Маргарита Павловна с удовольствием всё показывала и рассказывала. Две родственные души в алкогольно-новогоднем море нашли себе отдушину и занятие.

Оставшиеся два дня пути Изя Пинович чувствовал себя вполне комфортно: он перестал навещать бар, большую часть времени проводил в обществе новой знакомой. Этому неким образом поспособствовала и обстановка в его каюте. Неизвестно где пропадавший до прихода в Стамбул бригадир, в Турции развил бурную деятельность. Коридор, все проходы и подходы, а также каюты «гонцов», в том числе и Пиновича, были под подволок заставлены коробками с товаром. Когда Изипинович, налюбовавшись ночными огнями Босфора и надышавшись морского воздуха, вернулся в свою опочивальню поздно вечером, его ждал неприятный сюрприз. Он не смог открыть дверь с первой попытки – что-то её подпирало изнутри. Приложив немало усилий, как физических, так и ментально-вокабулярных, Пинович всё же просунул в образовавшийся зазор голову, и к своему ужасу увидел в полутьме лежащий в проходе каюты... труп. Убиенный подпирал дверь ногами. Все попытки его сдвинуть оказались тщетны. Тело было беззвучно и недвижимо. На заплетающихся ногах Изипинович еле добрался до рецепции и пересохшими синюшными губами прерывающимся шёпотом попросил о помощи. Судовой медик, пассажирский помощник, директор круиза, весь офицерский состав и палубная команда по тревоге столпились у места преступления. С немалыми усилиями боцману удалось втиснуться в каюту и... Отборный матросский мат, перемежающийся неразборчивой пьяной бранью и хрустом костей возвестили о воскрешении «трупа». Оказалось, что «бригадыр», выполнив свою погрузочную миссию, превратился в «рыгадыра», решив до наступления разгрузочных операций слегка расслабиться. И оттянулся он так, что, не рассчитав сил, забраться на койку уже не смог, растянувшись в проходе. Когда Пинович наконец-таки попал вовнутрь, его взору предстала пещера Али-Бабы. До этого он и не предполагал, что их каюта рассчитана

на четверых – над нижними койками оказались ещё две верхние, утопленные в стенные ниши. Теперь эти койки были опущены. На них, а также во всех оставшихся свободными закутках каюты громоздились короба с «сокровищами» Парфентия. Оставался свободным лишь узкий проход, с которого уже эвакуировали проспиртованное тело бригадира, и две нижние койки, на одной из которых теперь и возлежал Сезам, ритмично издавая мелодичный низкочастотный храп.

Не удивительно, что эта картина маслом сперва несколько подпортила настроение Изипиновичу, пожелавшему бригадиру провалиться в преисподнюю вместе со всеми закупками. В ответ на это Айкас только повернулся на другой бок под хруст, донёсшийся из-под койки. «Блин, ещё разломает здесь всё, и вообще негде спать будет» – подумал Изопрен, уловив звук, напомнивший ему счёты и их местную повелительницу. Его ещё помучили немного недобрые мысли, но по прошествии некоего времени, бухгалтер пришёл к логичному выводу: что не делается – всё к лучшему. И решил ещё больше внимания уделить своей коллеге.

Морская болезнь, которой изначально так опасался береговой бухгалтер, на удивление так его на судне и не нашла. Более того, здесь он чувствовал себя даже лучше, чем на берегу. Морской воздух и регулярное питание быстро выветрило из головы алкогольные пары и добавили сил. Бодрый и активный не по годам, Пинович с удовольствием помогал Маргарите Павловне, набрасываясь, как голодный волк, на судовую отчётность. Косточки абака так и мелькали между его пальцами, наполняя её каюту приятными обоим сердцам ритмичными ударами.

– А вы пользуетесь калькулятором? – вопрос Маргариты притормозил Изопрена на несколько мгновений.

– Да что вы! Никогда в жизни! Разве можно доверять технике? Мало ли, что она там выдаст – всё равно придётся перепроверять на счётах. Мы ведь за каждую копейку в ответе... – Пинович внимательно посмотрел на коллегу. – Да и по правде, я на счётах могу любую операцию провести быстрее, чем другой на калькуляторе!

– И я того же мнения, – женщина только улыбнулась бахвальству помощника. – Правда за скоростью не гонюсь – всё-таки с валютой имею дело. Да и времени на судне хватает – тут в одной каюте и живёшь, и работаешь. Всё, как говорится, под рукой... – Маргарита Павловна помолчала, потом грустно добавила, – Завидую вам, на берегу, вы на работе людей встречаете разных, и каждый день дома, с семьёй. А мы тут бултыхаемся в железяке месяцами, ничего, кроме этих стен и одних и тех же членов экипажа не видим...

– Да не скажите! – возразил Изипинович, отставив счёты в сторону, – А страны разные? А новые туристы регулярно? Да у вас здесь вообще красота, можно сказать работа на дому. А на берегу пока доберёшься до предприятия через весь город – кучу времени и денег на транспорт потратишь. А что бы прожить, надо в двух-трёх местах документацию вести. Вот и подчитайте, сколько бегать приходится. Да ещё на горбу домой тащить недоделанные папки. А нынешнее неустойчивое законодательство? А постоянные проверки и ревизии? А двойная бухгалтерия и чёрный нал? Чёрт, не знаешь, от кого скорее схлопочешь и выгребешь: с одной стороны налоговики с ОБХССом стоят, с другой – тенивики и рэкетиры. Вот так и крутимся, из огня да в полымя... – в соседней каюте что-то громко клацнуло и затихло.

– Соседям-то не сильно мешаем стуком? – Пинович придвинул счёты и кивнул на переборку.

– Да ну их! – лицо Павловны посуровело, – Как оргии по ночам устраивать, так... – она оборвала себя на полуслове и задумалась.

– Вы знаете, – продолжила через минутную паузу, – я бы, несмотря ни на что, с закрытыми глазами согласилась с вами поменяться местами. Ведь дети выросли – без присмотра, не заметила как. А теперь и с внуками почти не вижу, без меня подрастают...

– А у меня так вообще семьи нет, только мать больная дома... Но я тоже с радостью махнулся бы, пошёл в рейсы. Здесь и заработок побольше, а мать... Матери за такие деньги можно и уход соответствующий обеспечить, сиделку нанять.

Слово за слово, к концу круиза и Изя Пинович, и Маргарита Павловна, совместными усилиями благополучно сведя дебет с кредитом, утвердились в мысли, что их бухгалтерские навыки и опыт могут найти более достойное применение в другом месте. И в скором времени Парфентий обзавёлся роскошной бухгалтершей, удовлетворявшей его во всех отношениях больше, чем скромный и тихий лысый еврейчик. Однако процветание длилось недолго – Парфентий стал таять на глазах, сдулся, как воздушный шарик. А его бизнес сжался до пределов полупустого рыночного контейнера, пользовавшегося дурной славой. Люди обходили его десятой стороной, так как половину объёма торговой точки занимал страшный и ужасный реализатор с погонялом Глод. В свою очередь Изя Пинович отправился бороздить моря-океаны, найдя в этом истинное призвание и став вскоре заправским морским волком. А Дед Мороз-трезвенник бросил это неблагоприятное сказочное амплуа. Праздников в его жизни поубавилось, остались большей частью будни. Он по-прежнему играет в драматическом театре и, почему то, исключительно алкашей. Как говорят в Одессе, такова сэ ля ва, чёрт её побери! Щёлк!

* * *

Где-то в потусторонней канцелярии с чувством сбросил счёты и, смачно зевнув, протянул копыта и потянулся всем телом от кончиков рогов до кисточки хвоста третий помощник второго зама старшего клерка отдела теневой отчётности. Его ночные бдения по подведению баланса, чтоб он вознёсся, подошли к концу. Сводный отчёт по ругательствам, посыланиям и поминаниям всуе был составлен в срок, до появления Рождественской звезды. Всё «сказанное в сердцах» было сведено, задокументировано, оприходовано и подшито. В мире стало чуть меньше грубости и злости. План выполнен – Верховный должен остаться доволен положительным сальдо, утащили бы его ангелы! очередной фискально-матюкальный год был закрыт, будь он трижды благословен.

* изопрен – химическое вещество, составляющее (мономер) каучука

** качка – (укр.) утка

*** Крампус (Krampus, нем.) – нестрашный чёрт из альпийского фольклора с кадкой, полной хворостин. Появляется он 5 декабря, в начале адвента, ходит вместе с Николаем Чудотворцем и следит за тем, насколько послушны дети. Считается, что проказников он может унести в своей кадке (ну, или в знак предупреждения шлёпнуть прутом)

**** пергидроль – перекись водорода, применяется для обесцвечивания волос

КОНСТАНТИН ДОМАРЁВ

Домарёв Константин Петрович, родился в 1953 году в Москве. Учился в школе №686 – сегодня это школа Казарновского. В 1980 г., после службы в рядах вооружённых сил, окончил МОПИ им. Н.К.Крупской. Прошёл все ступени роста от старшего пионерского вожакого до директора школы и директора дома пионеров. Ветеран труда, награждён медалью «В память 850 – летия Москвы», является лауреатом конкурса «Грант Москвы» в области наук и технологий в сфере образования. Это всё в прошлом. В новой жизни старается быть полезным супруге, детям и внукам. Стал заядлым огородником, любит копаться в земле, выращивать овощи и зелень. «Меня так и называют Копатыч».

Школьный детектив

I

Мне уже давно хотелось рассказать эту историю, да всё как-то, как сейчас говорят, руки не доходили.

Я тогда работал в Люблине учителем русского языка и литературы в школе, которую мне посоветовал методист районного учебного центра. Школа действительно была неплохой, недавняя новостройка, ещё не имеющая серьёзных традиций. Работы через край. Я легко вошёл в новый коллектив, женский, физрук, физик и историк – это всё мужское население, творческий, да и детки оказались заинтересованными в учёбе. Работать было очень интересно, и я даже не заметил, как стал лауреатом премии «Грант Москвы» за развитие педагогических технологий в преподавании русского языка и литературы.

Ну, я как всегда о себе. Пора переходить к делу.

На работу мне добираться было очень удобно, восемь минут на метро, да десять минут пешком. Опоздать на первый урок было просто невозможно. Завучи это очень ценили. А московское метро так устроено: утром все едут на работу в центр, а вечером возвращаются с работы из центра. А я-то еду в Люблино, на периферию, в свободном вагоне и редко стоя. Для меня всегда находилось свободное местечко. Ещё успевал почитать план первого урока и сделать очередные пометки.

В этот день я вошёл в вагон и сразу прошёл к противоположным дверям, что предполагало моё стояние до станции назначения. Рядом стояла девочка – подросток небывалой кукольной красоты, с огромными завораживающими глазами, в которых жила серая тоска. Даже не это меня удивило, а содержание её прозрачного пластикового пакета: пелёнка, сменная обувь (тапочки), белые носочки, новые, ещё с этикеткой фирмы изготовителя, детский крем, салфетки, отдельный пакетика с нижним бельём, два бутерброда с колбасой и сыром, бутылочка минералки без газа, что-то ещё...

Я припомнил, как когда-то провожал свою жену с таким же набором предметов личной гигиены на аборт. Но главное, она держала в руках томик Л.Н.Толстого «Война и мир» раскрытый на том месте, где описывались неудачные роды маленькой княгини. Я ужаснулся: десятиклассница едет в платную клинику Марьино, чтобы прервать нежелательную беременность.

Весь мой вид изображал вопрос: «Что случилось?» Ну что случилось и так понятно, но я всё-таки спросил, могу ли чем-нибудь помочь. Девочка очень по-взрослому посмотрела на меня своими глазами – очаровашками, и в них я увидел ещё больше грусти и тоски.

– Нет, – сказала она резко, но без грубости.

– Что случилось? – всё-таки спросил я. И, не видя во мне врага, она, уже немного смягчив тон, рассказала мне про свою беду.

– История стара как мир, – начала она, и я весь превратился в слух. – Я перешла в десятый класс (это я легко понял по «Войне и миру». У меня в десятом тоже идёт Лев Толстой). На линейке первого сентября классная подвела к нам новенькую и сказала, что её зовут Ляля, и она будет учиться в нашем классе. Мы все обступили её, расспрашивали, что да как. Она с улыбкой нам отвечала и особенно охотно на дерзкие вопросы мальчишек. Короче, уже после третьего урока Ляля стала всеобщей любимицей. Вдобавок, её посадили рядом со мной на третью парту, потому что Игорь Семёнов ушёл после девятого в технологический колледж учиться на ремонтника холодильного оборудования, и место у окна пустовало.

Ляля умела не только болтать обо всём, но и учиться. А училась она хорошо, и за первые две недели стала примерной ученицей для всех учителей. Не было предмета, в котором бы Ляля чего-то не понимала. Она мне часто помогала на уроках разобраться в трудных вопросах алгебры и химии.

Очень скоро мы стали подругами. У нас было много общего: любили одну и ту же музыку, фанатели от одних и тех же киноактёров, нравились мускулистые накачанные парни. Но было главное: я росла без отца, он ушёл из семьи, когда мне было уже десять лет, и я страшно переживала родительский развод. А Ляля даже не помнила свою мать, а об отце говорить не любила – он какой-то уникальный специалист в области хирургии, всегда на работе и часто меняет место работы. Вот и сейчас приехал в Москву по приглашению Лео Бохерии, а прежняя его клиника находилась в Уфе. Ляле там очень нравилось: простые отзывчивые люди, татары, башкиры, греки, русские – все действительно живут одной семьёй. Если это не маленькая деревушка. Тогда там порядок устанавливает начальник отделения милиции.

Ляля иногда заходила ко мне, видела наш скромный быт, и как-то раз пригласила к себе. Двухкомнатная квартира недалеко от школы поразила своим содержанием: всё новое, очень дорогое, нет ни одной лишней вещички. В элитной кухне кроме холодильника неизвестной мне марки лишь кофеварка и электрочайник. В гостиной кроме журнального столика и двух мягких глубоких кресел телевизор на всю стенку, кожаный диван и полка с Лялиными учебниками. Во второй комнате огромная двуспальная кровать с прикроватной тумбочкой и туалетный столик, уставленный дорогой, совсем не детской косметикой. Шкаф-купе, по—видимому, вмещал весь Лялин скарб. Она как-то мимоходом бросила, что папа редко ночует дома и занимает диван.

Мне у Ляли нравилось. Не то, что у меня дома. Никакого сравнения. Нравилось смотреть телевизор, а особенно видики с Джулией Робертс и другими знаменитостями. Как-то Ляля поставила диск из папиной коллекции порнографического содержания и я обомлела от ужаса и затрепетала от восторга. Теперь стало понятно, что такое заниматься любовью: минимум ухаживания и максимум постельных сцен, не прикрытых одеялом, крупным планом соитие мужчины и женщины.

За время нашей дружбы мне удалось посмотреть ещё две истории такого же содержания, и во мне проснулась женщина, маленькая шестнадцатилетняя женщина.

Однажды мы засмотрелись и не услышали, как открылась дверь, и вошёл Лялин отец. Он не стал нас ругать, а наоборот, вежливым тоном напомнил Ляле о том, чтобы та была аккуратной в выборе подруг. Я не знала, куда себя деть, заторопилась домой, но тут вошёл Лялин отец и пригласил нас пить чай, так как сегодня у него образовалось окно и он принёс домой замечательный торт, который не может не понравиться ни одной девчонке.

Чаепитие было коротким, но мне показались эти минуты часами. Лялин папа представился Кириллом и очень интеллигентно за мной ухаживал, предлагая то ещё кусочек торта, то удивительных шоколадных конфет, то просто воздушного зефира. А когда встретились наши глаза, я сразу поняла, что влюбилась. Влюбилась не в ровесника-одноклассника Фёдку, в него все девчонки влюблены с седьмого до одиннадцатого, а в отца своей одноклассницы. А в него невозможно было не влюбиться: он очень напоминал моего кумира: рост выше среднего, кудрявый брюнет, чистое лицо, отличающееся от прыщавых поверхностей одноклассников, накачанные мускулы, голливудская улыбка, тонкие длинные пальцы рук, похожие на пальцы скрипача. Видимо, такие и должны быть у первоклассного хирурга. Странно, что на полке я не увидела ни одной книги по медицине. Но это совсем неважно, когда на тебя смотрит такой красавец. Прощаясь, он сделал мне комплимент и восхитился моими глазами.

Мать сегодня не ночевала дома, она иногда раз – два в неделю остаётся в ночную смену. Похоже, она нашла себе друга, а я ей стараюсь не мешать. Красивая, ещё вполне молодая женщина, должна же она обрести своё счастье, раз уж не получилось с папой. Поэтому я дала волю, сначала своим безумным фантазиям, очень напоминавшим сюжеты тех фильмов, которые смотрела у Ляли, а потом просто рыдала о несбыточных своих мечтах.

Утром в школу пришла с синяками под глазами. Даже завуч поинтересовалась моим здоровьем. Но у меня было всё в порядке. Просто это – любовь.

Как-то раз Ляля сказала, чтобы я её не ждала. После уроков она задержится в лаборантской кабинета физики. Какого же было моё удивление, когда за поворотом ко мне на встречу вышел Кирилл, Лялин отец. Моё сердце сначала оторвалось и оказалось в пятках, а потом резко ударило в мозг, и я отдалась на волю случая. А он мило со мной поздоровался и предложил покататься на автомобиле. Не помню, чтобы Ляля что-то рассказывала про машину, да мне было не до того: мой кумир, моя мечта, моя бессонница пригласил меня покататься по городу на машине. Я не помню, о чём он говорил, потому что я молчала, я летала в своих облаках, я купалась в своих мечтах. Но вот поездка окончилась, он остановил машину, не доезжая пару домов до моего, а сам поцеловал мне руку и поспешил на какую-то очень важную операцию. Оказывается, я пообещала Кириллу через несколько дней ещё раз встретиться, а потом ещё раз. А потом он уговорил меня прогулять школу, чтобы побыть с ним дома. Я согласилась, придумала посещение стоматолога, что не вызвало ни у кого никаких подозрений.

С самого утра мы оказались в объятиях друг друга. Сколько нежности было в его словах. Как ласково скользили его руки по моей спине. Как бережно он держал меня за плечи и бархатным голосом говорил, что когда-нибудь наступит взросление, и когда-нибудь я совершу свой девичий дебют и стану женщиной. Так лучше, если это будет мужчина, уже имевший дело с женщинами, чем прыщавый пацан – неумейка, который сделает очень больно и наступит отвращение ко всему мужскому роду. Так бывает.

Представьте, что мне совсем не стыдно было раздеваться перед Кириллом. Я видела, как это делают в кино порноактрисы. Он смотрел на меня с восхищением, жадно рассматривал каждую обнажающуюся часть тела. А я не торопилась, я как профессионалка набивала себе цену.

Первый мужчина, ну разве это можно забыть! Его ласки, его поцелуи, его касание, тот восторг, который испытываешь при первом вхождении мужчины в тебя. Я ничего не помню, я куда-то провалилась, я была наполнена счастьем, я хотела, чтобы это длилось вечно. Но вот я поняла, что всё закончилось и меня заколотило. Кирилл как мог, успокаивал, дал какую-то таблетку, и мне стало лучше.

Мы провалялись до обеда, совсем забыли, что уже давно кончились уроки, а пришедшая с занятий Ляля и увидевшая меня в постели с отцом, как будто, ничему не удивилась, просто холодно попрощалась, когда Кирилл провожал меня.

Это была пятница. Есть ещё два дня и три ночи, чтобы всё обдумать, что сказать маме. Разве можно такое сказать маме? А её опять нет, и не будет два дня. В записке она сообщила, что поехала с группой сослуживцев на экскурсию в Питер. Оставила мне немного денег, просила быть умницей, делать уроки – учёба главное в сегодняшней жизни.

Ох, мама, мама. Знала бы ты, что творится с твоей дочерью. Похоже, что твоё счастье сейчас для тебя важнее, чем моё.

Мы с Кириллом ещё несколько раз встречались, так же бурно, но уже более осознанно любили друг друга, пока я не почувствовала в себе изменения. Начался токсикоз – верный показатель беременности. Мама ничего не замечала, она просто разрывалась между мной и её новым возлюбленным. Я рассказала Кириллу. Он посадил меня в мягкое кресло, сам сел рядом и стал мне выговаривать. В его голосе появилась жёсткая металлическая нотка. Я должна была войти в его положение: он не может открыто со мной жить, воспитывать моего ребёнка, ему вполне хватает Ляли. Потом размеренными шагами подошёл к прикроватной тумбочке, достал, не считая, раскрытую пачку денег и передал мне их со словами, что этого вполне хватит на аборт, на моральные издержки, на то, чтобы купить себе что-нибудь новенькое из одежды, сходить в парикмахерскую и привести себя в порядок. Что я должна гордиться, что среди подружек уже не девочка и это новая роль в моей жизни.

Я даже не заплакала.

Так рухнула моя мечта о счастливой жизни.

Вот, вчера была на консультации, сегодня еду взрослеть. Знаю, что это опасно. Набралась сил и всё рассказала маме. Обе прорыдали весь вечер. Никакого упрека в свой адрес я не услышала. Похоже, что и её роман идёт к такому же финалу.

Тут уже я направился к выходу. Моя станция. Она назвалась Леной, но я уже ничего не мог сказать. Через двадцать минут у меня начинается первый урок, и мне придётся говорить о любви в романе Л.Н.Толстого «Война и мир».

II

Неожиданно эта история получила продолжение.

Первого сентября к моим одиннадцатиклассникам подошла завуч, ведя перед собой стройную девушку с огромными глазами. Я сразу узнал Лену и повёл себя как старый знакомый. Она, похоже, обрадовалась тому, что будет учиться в моём классе, и в то же время испугалась того, что я знаю её страшную тайну. Я представил Лену классу, а ей шепнул, что от меня никто ничего не узнает. Ребята обступили новенькую, и она пыталась до начала линейки ответить на все вопросы. А главный вопрос, почему она перешла в нашу школу, оказался самым лёгким. Здесь, недалеко от школы, находится бассейн, в котором Лена занимается четыре раза в неделю.

Мне понравилось, как её приняли ребята. Впоследствии она хорошо сдала все экзамены и легко поступила на юридический факультет. Теперь она занимается детьми и подростками в звании старшего лейтенанта в Детской комнате милиции. Слышал, что помогла многим девочкам, оказавшимся, как когда-то она, в сложном положении. А тогда, первого сентября, она попросила меня задержаться, чтобы рассказать, что произошло дальше.

С Лялей они остались подругами, но теперь друг к другу в гости не ходили. Ляля легко принимала приглашения и побывала в гостях у всех почти одноклассников. В новогодние каникулы, когда многие совершают заграничные поездки, произошла серия краж, и что интересно, кражи были совершены в квартирах в основном одноклассниц и нескольких девочек из параллельного класса. Думали на мальчишек, связанных с плохой уличной компанией. Думали даже на некоторых учителей, которые занимаются с детьми на дому при длительных заболеваниях.

Открылось всё случайно. Ляля не посещала уроки физкультуры под предлогом занятий два раза в неделю на ипподроме. На это у неё была справка, по которой по решению малого педсовета Владимир Николаевич, наш физрук, обязан был ставить ей отлично в конце каждой четверти. Ляля оставалась в раздевалке или выходила погулять на время урока. Она была застигнута в тот момент, когда вынимала ключ из рюкзака одной девочки, чью квартиру недавно посетила. Хозяйка рюкзака забежала в раздевалку, чтобы поправить спортивную форму, увидела это и подняла крик. Владимир Николаевич привёл Лялю с ключами к директору, та вызвала милицию и вскоре оперативники размотали этот клубок загадочных ограблений. Кирилл никакой не хирург, а вор – домушник. Да и Ляля ему не дочь, а подельница, цирковая актриса Ляля Чёрная – Алевтина Чернова по паспорту, 23 лет, маскировавшаяся под ученицу – старшеклассницу. Мало того, она ещё была и сожительницей Кирилла, поэтому в квартире и была одна кровать. Ляля вынимала ключи у подружек, за урок успевала сходить в мастерскую, сделать дубликат и до конца урока возратить их на место. И всё шито – крыто. Узнавала, как работают родители, а особенно когда, кто и куда собирается уехать, и передавала информацию Кириллу. Его тоже задержали на месте преступления с дубликатами ключей и фотографиями. У Ляли единственной был сотовый телефон с камерой. Преступный дуэт поработал уже в трёх городах, куда Лялю пристраивали в элитные школы, и она знакомилась с подружками богатых родителей. В Москве не удалось определиться в «элитку» и её воткнули в простую школу, но в центре города. Меня, как лучшую Лялину подругу, часто вызывали давать показания. А мне не в чем было признаваться. А вот в школе одноклассники не поверили в мою невиновность, типа, не могла лучшая подруга ничего не знать. Очень трудно было

смотреть Кириллу в глаза и отвечать следователям о том, что нас связывало, кроме того, что все считали его отцом Ляли.

Вот поэтому я перешла в другую школу. Как-то надо забыть о своей первой любви.

Однокласснику

Полгода ты уже лежал в могиле.
В прибежище последнем у земли.
Конечно, мы тебя не позабыли,
И в то же время не уберегли.

Прости нас, друг, что в трудную минуту
Не дотянулась помощи рука.
И был в тот миг не нужен никому ты,
Когда тебя покинула душа.

А мне казалось, ты звонил недавно,
Был удивлён – я голос твой узнал:
В нём ни намёка не было подавно.
А вот случилось так, да кто бы знал.

Ведь ты хотел до Соловков добраться,
И там найти работу и приют,
А было б можно – в монастырь податься.
Ты верил, что дела ещё пойдут.

Нас одноклассников и так уже немного
И, видимо, такой наступит год —
Весна, цветы, хорошая погода,
Но вот никто на встречу не придёт.

«Ты ушла в неведомые дали...»

Ты ушла в неведомые дали
На прощанье кинув: «Не горюй!»
Почему тебя не удержали
Моё сердце, губы, поцелуй?

Ты ушла, и стало очень тихо,
Словно ночь вошла в преддверье звёзд.
По щекам, окаменевшим криком,
Медленно сползают капли слёз.

Ты ушла, и стало как-то странно,
Что теперь мне делать одному?
Что заменит мне в часы свиданья
Голос, нежность и любовь твою?
Ты ушла, и стало жутко, пусто,
Словно умер кто-то дорогой.
Мне теперь родниться надо с грустью,
Одиночеством и жалостью порой.

Ты ушла, а я молю ночами,
Чтобы ты вернулась хоть на миг.
Может быть от ужаса печали
И родился этот грустный стих.

«Я устаю от шума городского...»

Я устаю от шума городского,
От лязганья трамваев вдоль оград.
Я познаю себя по гороскопам,
По шелесту уже затёртых карт,

По линиям судьбы своих ладоней,
По сгусткам кофе выпитого мной.
Какая-то незримая погоня
Судьбы моей и за моей судьбой.

«Несёт меня Ракета...»

Несёт меня Ракета
Не в космос, а в Москву.
Вот так промчится лето
И я не отдохну.

На пристани остались
Мой сын, жена и мать.
Пришла пора, расстались.
Мне плыть – вам отдыхать.

Конечно, я и рад бы
Остаться в эти дни,
Но ждут меня тетради,
Конспекты и статьи.

Судьба такие муки
Перетерпеть велит.
А мой «гранит науки»
Надкусанный стоит.

Осенний вальс

Ещё вчера дождём колючим
Был полон двор, а поутру
Примчался солнца светлый лучик
Сушить упавшую листву.

И ветерком перебирая
Из листьев собранный палас
Звучит мелодия простая:
Фредерик Шопен, «Осенний вальс».

Эхо прошедшей войны

Мне танк приснился этой ночью,
Советский танк, времён войны.
Снарядом, видно, разворочен
Весь левый бок его брони.

И щель, как рана в мягком теле,
Оплавлена и сбит прицел.
Не знаю, как на самом деле,
Навряд ли он остался цел.

А башня, кажется, горела:
Повсюду копоть, люк открыт.
Тебя, боец, в момент обстрела
Уже никто не мог прикрыть.

А это, на трофей похоже,
В кустах черничника лежит.
Так это лейтенанта ножик,
Он им с учебки дорожит.

Он на него всегда молился,
И нож спасал, но в этот раз
Снаряд фашистский в танк вломился
И талисман его не спас.

Не повезло «тридцатьчетвёрке»:
В бою за эту Высоту
Весь экипаж Гвардейской роты
Погиб за Родину свою.

Ницше

Я, словно зеркало, мутнею
От постороннего дыханья.
Я забываю даже, где я,
Твоё присутствие вдыхая.

Я даже не пытаюсь вспомнить
Произошедшего разлада.
Я просто не имею воли
Тебе ответить так, как надо.

Ты, уносящая надежду
И приносящая тревогу,
Возьми с собой свою одежду;
Она мне не нужна, ей богу.

И уноси своё дыханье,
И воздух тот, каким дышала.
Убереги от трепыханья
Своё раздвоенное жало.

И сделай так, чтоб в жизни этой
Не слышать больше грязной фальши.
И если, вдруг, увидишь где-то,
Беги меня, как можно дальше.

Ёжик

Мы назвали котёнка Ёжик.
Это имя ему не подходит:
Он пушистый и белый, и всё же,
Как назвали, пусть так и ходит.

Если хочешь его погладить,
Он сворачивается в клубочек.
Днём отлёживается в кровати,
Чтобы топтать по комнате ночью.

Он охотится за мышами,
(Их в квартире ведь нет, конечно),
И готов повторять за ежами
Всё, что делают те, бесконечно.

Молочко точно так же лижет
Из щербатой давно розетки,
И старается не светиться,
лишь
...услышит шаги соседки

Заворачивается в газету
И шуршит там, страницы листая.
И скользит иногда по паркету
Из квартиры кого пропуская.

Мы назвали котёнка Ёжик,
Ничего в этом нет плохого:
Он пушистый и белый, и что же —
Мы ведь любим его такого.

«Налетела туча...»

Налетела туча.
Стало небо мутным.
Ты меня не мучай
Ни одной минуты.

Ты меня не мучай
Подозреньем пошлым.
Не такой был случай,
Всё осталось в прошлом.

Всё осталось в прошлом,
Ты мне должен верить.
Милый мой, хороший —
Страшная потеря.

Вот и всё! Что было
Для меня – я знаю,
Но тебя, мой милый,
Я не потеряю.

«Четыре дня в безмолвье белом...»

Четыре дня в безмолвье белом,
Лишь проводов электронить.
Вот дача – то ж другое дело:
Её ничем не заменить.

Конечно, можно снег почистить
И у подъезда своего.
Но здесь и снег, и воздух чище,
И за ночь столько намело.

Сосёнка рядышком с берёзкой
Стоит с утра в убранстве белом.
И поле, вдаль идя полоской,
Засыпано чистейшим мелом.

И уж совсем не понаслышке,
А что увидеть мне дано,
Сугробы с дом, а в них мальчишки
Тоннели роют, как в метро.

Четыре дня в безмолвье белом,
Лишь проводов электронить.
Вот дача – то ж другое дело:
Её ничем не заменить.

ДИАНА ЛУНИТ

«НЕприятие себя или людей... есть такое по отношению к части людей и по отношению к себе в прошлом... стараюсь относиться как к КОЛОДЕ КАРТ из Страны Чудес...»

Цепи любви

Владислав собирался домой после очередной радиопрограммы. Он успел написать на своей странице в социальной сети только одно объявление: «Приходите в Петербурге на презентацию моей книги о Соне Сосновской», дальше было указано место и время. Сейчас ему предстоит возвращаться домой по широким суетным московским улицам, где теряешься среди миллионов и даже не знаешь, кто прошёл или проехал мимо тебя. Вот, бывает, проезжаешь, а обгоняет тебя тот человек, которого больше всего хотелось бы встретить... но нет, в этой толпе, в этих бесконечных гонках и пробках так никто никого и не узнает. Зато через пару дней у Владислава намечался почти счастливый день – он будет в Петербурге и представит всем любопытным зрителям книгу, посвящённую Соне Сосновской. Соня была актрисой и снималась в сериалах. Владиславу она сразу понравилась своей яркой красотой и темпераментностью на экране. Всегда энергичная, решительная, она играла то героинь детективов, то авантюристок и роковых дам в мелодраматических и лирико-комедийных сериалах. Владислав был в неё влюблён и мечтал пригласить в радиостудию, где у него были разные гости, известные или заинтересовавшие некоторую публику. Мечта о встрече осуществилась другим образом. Он взял у неё интервью не на радио, а на её творческом вечере, в родном городе актрисы, Санкт-Петербурге. Он увидел её вблизи и в первый раз заметил, что у неё грустные глаза. Когда Соня улыбалась, отвечая на остроумные и приветливые вопросы Владислава, в ней читался знакомый характер обаятельных и искромётных героинь. Но во всём облике и лице девушки было заметно что-то мечтательное, даже затаённые трагические мотивы. Владислав отлично понимал, что в жизни люди могут быть более одинокими и печальными, чем на публике. Это было свойственно ему самому.

После зрелищной беседы Владислав попросил Сою разрешить проводить её, а заодно оставить номера телефонов, по которым можно позвонить. Они шли по украшенному яркими, но скромными и робкими огоньками центру города. Была поздняя осень, на чёрно-сером фоне силуэты людей терялись, а при разглядывании казались очень таинственными. Владислав держал за руку даму своего сердца, такую загадочную и когда-то недоступную, и вот она уже с ним, пусть даже на какое-то мгновение. Он вглядывался в её печальный, несколько отрешённый взгляд и легкую улыбку, которая иногда возникала. Сам он открыто улыбался и не менее открыто предлагал всё лучшее, что было на тот момент.

– Вы не хотели бы прогуляться на Дворцовую? – искренне спрашивал Владислав.

Соня отвечала, что сейчас не может, и на следующий день ей предстоят утренние съёмки.

– А как насчёт встречи завтра? После съёмок? – спросил он с наивным простодушием.

– Спасибо, и завтра я не могу, – ответила Соня, задумавшись, – Я Вам оставила телефоны, звоните, когда удобно.

Они остановились недалеко от набережной. Небольшой островок этой набережной был освещён блёклым минорным светом фонаря. Владислав и Соня смотрели друг на друга грустными глазами. Он с любопытством и желанием разгадать какую-то вечную загадку вглядывался в её черты, готовый к тому, что так ничего и не узнает, отпустив её в другой мир. Он был готов грустить по ней. Она смотрела на него явно снисходительно, но было видно, что она тосковала о чём-то или, скорее, о ком-то.

– Соня, я хочу посвятить целую книгу, а может, видеофильм Вашим образам в кино, – открылся ей Владислав, – То, что происходило с Вами, стало как будто бы моим. Я мечтал, что всё это будет нашим, что у нас будут общие переживания и творчество на двоих... Но, похоже, Вы с кем-то расстались? И сейчас не готовы знакомиться ближе?

– Владислав, я не хотела Вас огорчать, – сдерживая эмоции, ответила Соня, – Я люблю только одного человека. Это режиссёр, с которым мы раньше работали. Он погиб в автокатастрофе в прошлом году.

– Очень жаль... – сказал Владислав тихо и минуту помолчал, – Да, я понимаю, как это тяжело. Но... можно, я Вам напишу? А Вы можете мне рассказать немного о нём в письме?

Владислав проводил Соню до метро. Они шли, иногда обмениваясь фразами. Владислав стал немногословен. Бледный искусственный свет фонарей падал на их фигуры, как бы давая им друг друга снова разглядеть, и провожал каждого из них остаться с собой наедине. Владислав грустил вместе со своей возлюбленной. Ему теперь предстоит грустить вместе с ней, оставшись одному, о том, кого он совсем не знает. Её переживания станут его переживаниями.

Когда они прощались, он, нежно дотронувшись до её плеча, предложил ей звонить, чтобы не было так плохо. На руки им падал затухающий уличный свет и первые капли дождя. Слезы с неба всё говорили за них.

Владислав целый вечер грустил о Соне и, как ожидал, грустил вместе с ней. Он ясно представлял, что она переживала. Одновременно он грустил о ней самой, что она ещё более недоступна, чем казалась, а эта ужасная трагедия навсегда поставила стену между ней и тем, кто бы отдал ей сердце. Владислав мысленно рисовал историю любви Сони и режиссёра, о котором он ничего не знал (конечно, узнал немного позже). Он представлял её восторженно-счастливой, часто улыбающейся магической улыбкой, звонко смеющейся в беседах, какой она была в кино. Неизвестно, отвечал ли её любимый ей взаимностью, но Соня успела по дороге сказать пару слов о том, как она счастлива была, встречая его и работая с ним. Владислав, посмотрев в окно, представил, что перед ним вместо вида двора, словно видеозапись, предстаёт счастливая картина встреч Сони и её возлюбленного. Но мысленно смотреть на эту картину было грустно, она была как фото, оставшееся на память из прошлого. Владислав на минуту подумал о том, что мир изначально был создан несправедливо, разбросав всех людей в разные стороны и отделив от тех, кто им нужен. Но потом он вернулся к главным помыслам – у них с Соней всё равно одна грусть на двоих, он может любить её запомнившийся и воображаемый образ, а кроме того, встретить её в реальности ему ничего не мешает. Он сможет её ещё увидеть наяву, возможно, запомнить по-новому. Хотелось бы подобрать много жизнеутверждающих слов, которые надо сказать ей при следующей встрече. Владислав, сидя в кресле и держа на весу небольшой блокнот, сразу записал в нескольких строках нужные придуманные фразы, на странице, близкой к другой, с записями новых заголовков для статей. Всё это было тем, что должно быть хорошо придумано и храниться до своего времени. Он медленно листал блокнот, иногда засыпая, всё время погружаясь в воображаемые воспоминания.

Соня тем временем погружалась почти всё в те же воспоминания, но она помнила их наяву. Желанные встречи с любимым для неё были самыми радостными моментами. Она ему просто очень нравилась, он всё время был занят своей работой и, к сожалению, признался Соне во взаимной любви накануне своего последнего дня. Соня, сидя возле небольшого письменного столика, смотрела на две фотографии, которые всегда возила с собой – на одной она со своим возлюбленным после съёмок, на Дворцовой площади, на другой – у него в гостях. Она немного поплакала, но потом её как будто гипнозом успокоили воспоминания, в которые она окунулась, как в сон.

Она печально смотрела в одну сторону, в направлении окна, из которого, подобно чёрной дыре, виднелся кусок тёмного неба. Соня мысленно ощущала в своей ладони руку своего возлюбленного и понимала, что никогда таких ощущений уже не будет, а прикосновения и ладони других людей будут чужими. Только те, прежние ощущения будут всегда с ней. Словно на чёрном экране, на виднеющемся из окна отрезке неба, Соня пыталась представлять картины незабываемых свиданий. Она представляла их уверенно ярко, как будто видела сон. В этот сон хотелось погружаться всё больше и больше. Но нужно было просыпаться, а за пределами сна

оставалось мысленно делиться своими воспоминаниями. Пусть они перерастут в какую-то историю на сцене, станут источником вдохновения и перевоплотятся в других людей, а затем вдохновят кого-то на то, чтоб у него была настоящая любовь, возможно, со счастливой развязкой. Сейчас Соня долго смотрела в открытую часть окна, печально вглядываясь в отрезок неба и как будто попросив у него повернуть время обратно и даже предотвратить страшную трагедию. Она сидела почти неподвижно, как при медитации. К счастью, никого вокруг не было, и она могла полностью принадлежать своей несостоявшейся любви.

Соня с утра, когда предстояли съёмки и различные встречи с публикой, устремлялась туда, где её ждут, с грустной улыбкой. Часто улыбка превращалась из грустной в весёлую и жизнерадостную, так хотелось играть более весёлых и счастливых людей, а заодно хотелось, чтобы счастливы были люди, смотревшие на неё. Как хотелось бы, чтобы у них была счастливая любовь, как на экране.

Грустная, но весьма открытая улыбка нарисовалась на лице у Сони, когда она собиралась на встречу с Владиславом. Теперь её пригласили на творческую встречу в Книжном клубе на Австрийской площади. Ей было жалко Владислава – он вызывал у неё сочувствие, но не вызывал никакой ответной влюблённости. На встрече в уютном клубе-кафе, где несколько любопытных людей собрались за столом, он задал ей несколько вопросов о последних работах в сериалах, о любимых ролях, заворожённо глядя на неё. Она ему особенно открыто улыбалась, сказав в конце: «Спасибо за Вашу книгу, я её каждый день читаю», хотя на самом деле читала один раз и поставила на полку на видное место.

Гости вечера стали расходиться. Владислав неожиданно оказался сразу рядом с двумя обаятельными девушками. С одной стороны от него стояла Соня, с другой – девушка, которая пришла смотреть и слушать его, Светлана. Владислав предложил Соне опять разрешить проводить её, она на этот раз отказалась. Зато Светлана с ним кокетливо поздоровалась, затем спросила:

- Владислав, у меня есть пара вопросов к Вам. Вы получили моё письмо?
- Письмо со стихами?
- Да, со стихами, – ответила Светлана.

Он узнал её по фотографии в Интернете. Она действительно присылала стихи, посвящённые ему. Светлана была в него влюблена благодаря приятному голосу и романтичным беседам на радио. Потом видела его фото в Интернете, его внешность она тоже нашла приятной и поняла, что не ошиблась. Она давно мечтала пойти на творческую встречу с ним, а там познакомиться. До этого она писала много стихов, посвящённых Владиславу, в основном восторженных. Было только два-три грустных стихотворения, основной мотив которых был – неразделённая любовь, но Светлана верила, что неразделённость – временное явление, потому что есть шанс на знакомство и самый лучший его исход. Зачем думать о плохом, когда ещё даже не познакомились... В свободное время она всегда представляла его, иногда рядом с собой, иногда самого по себе, она пыталась представить, какой он в жизни, за рамками творческого образа. Даже у себя на работе, в художественной галерее, Светлана пыталась представить, что Владислав приедет к ним на выставку. Она представляла, что в жизни он такой же романтичный, как его образ в эфире. В своих мечтах она думала, что сможет сделать собрание картин к выставке, которое понравится ему, когда они уже познакомятся и смогут поговорить на эту тему. Смотря в окно или прогуливаясь по улицам, она любила окидывать взглядом всё происходящее, очертания разных предметов, цвета небесного фона, но представляла себе Владислава. В воображении она шла навстречу к нему, он на неё загадочно смотрел или ждал её на набережной, а может, в других необыкновенных местах. Эти мечты радовали и окрыляли Светлану, для неё они были сами по себе лучшей частью жизни, но всё-таки очень хотелось познакомиться на самом деле. Это было бы следующей ступенью счастливой любви, первой ступенью для неё уже была любовь сама по себе.

Сейчас Владислав смотрел на Светлану также, как в её воображении, даже казался лучше, потому что его взгляд был живым. В загадочных, чуть нереальных глазах блеснула лёгкая радостная искра. Он заинтересованно улыбнулся Светлане.

– Да, Ваши стихи мне очень понравились, спасибо за них, – сказал Владислав преданной почитательнице, – Вы их где-нибудь публикуете?

– Нет, – смело ответила Светлана, – Я пишу их только для Вас.

– Давайте, я помогу Вам их опубликовать. Могу посоветовать издательство, где я издал свою книгу.

Светлана наполнилась ощущением счастья, на секунду прикрыв глаза. Она чувствовала себя, как в волшебной сказке, где перед персонажем стоит некий выбор – пользоваться чудесной силой или нет. Это было чудо, что любимый человек предлагает ей напечатать стихи, но ей всегда хотелось, чтоб они были только для него, а не для посторонних читателей.

Светлана ему нежно улыбнулась и произнесла, на этот раз более робко:

– Спасибо, Владислав. Мне это было бы очень приятно. Но я всегда хотела, чтоб мои стихи были для Вас, а не для всех остальных.

Они вышли вместе из книжного клуба и оказались на тихом темнеющем островке города, на который с высоты смотрели строго очерченные башни зданий.

– Красиво у вас тут, – сказал Владислав, – Я бы у вас остался...

Это до глубины души порадовало Светлану. Её глаза заиграли необычайным светом, готовым благословить желаемый переезд любимого человека в её родной город. Она чувствовала с лёгким замиранием сердца, что она как будто ждала этого всю жизнь и что он сможет теперь жить в одном с ней городе.

– Как это будет здорово, – с умилением ответила Светлана, – А Вы сможете переехать?

– Конечно, смогу, – добродушно, с обаятельной улыбкой на лице признался Владислав, – Могу работать хоть здесь, хоть в Москве, но жить здесь всё равно останусь.

– Это чудо... – мечтательно произнесла Светлана, глядя то на Владислава, то на контуры зданий маленькой площади, – Я всегда знала, что чудеса бывают. И мне давно хотелось, чтоб кто-нибудь переехал – или Вы в Питер, или я в Москву. Но я не торопилась переезжать в Москву, наверное, чувствовала, что Вы приедете.

Владислав предложил Светлане проводить её, чтобы можно было с ней поговорить по дороге. Она задала ему пару вопросов о нём самом, сначала достаточно робко, потом более смело. Наконец он решил ей признаться в своей тайне и тоже говорил достаточно робко:

– Светлана, мне очень приятно Ваше внимание... Но, понимаете ли, есть только одна девушка, которую я люблю... Это Соня.

Светлану опечалило это известие, но не до конца. Она верила, что может подождать ещё какое-то время, может быть, Владислав передумает. То, что касается Сони, она решила уточнить и спросила:

– Вы уже встречаетесь? Или она тоже Вам говорила, что любит Вас?

– Нет, – печальным, но ровным голосом ответил Владислав, – Она мне рассказывала, что так и влюблена в режиссёра, которого уже нет в живых.

– Очень соболезную, – ответила Светлана, – И вообще не хочет знакомиться?

– Знакомиться в повседневном общении может, но ближе не подпускает.

Светлана набралась решительности и сказала:

– Но я с Вами хотела бы познакомиться. Может, Вы подумаете, я Вам немного позже напишу?

Они шли вместе по улицам, погружающимся во тьму. Сейчас они были вместе, и хотелось, глядя на них со стороны, это мгновение запечатлеть навсегда, так красивы были их силуэты рядом. Светлане тоже хотелось это мгновение запечатлеть навсегда. Жаль, но они сейчас разойдутся, и каждый уйдёт в свою жизнь. Улицы погружались в сон, наверное, возникающие

на них люди могли быть героями сновидений. Владислав и Светлана сейчас были очень похожи на героев из снов, их встреча была подобна красивому сну.

Когда они прощались, она коснулась его плеча, он подержал её руку в своей, для неё это прикосновение было тем, что нужно почувствовать и проснуться, а потом долго мысленно ощущать. Его ладонь казалась ей большой и тёплой, в которую ещё хотелось окунуться своей ладонью. Взглядом она окунулась в его грустные глаза и сказала:

– Спасибо Вам, Владислав. Я всегда Вас ждала и готова ещё ждать. Если Вам захочется издавать мои стихи – пожалуйста, я не против... Но я буду присылать их только для Вас.

Светлана вставала каждое утро и засыпала каждую ночь с грустью, но в то же время глубоко надеясь, что всё может измениться. Она мысленно грустила с Владиславом... Да, так получилось, что невидимые нити космоса передавали глубокую печаль трём людям, как будто бы пытаясь связать их между собой, хотя реально они наоборот были разделены. Но при том, что Светлана мысленно грустила с Владиславом, она ясно предполагала, что он обрекает себя на служение безответной любви только сейчас, в порыве страсти, а потом может одуматься. Она каждый день начинала и заканчивала тем, что представляла себе его, то погружаясь вслед за ним в глубокую тоску и ощущая частое сердцебиение, то вспоминая тот светлый момент, когда они встретились.

Недели через две она решилась написать ему, прислав несколько новых стихов, посвящённых тому самому незабываемому моменту встречи. Светлана чувствовала лёгкое восторженное ощущение того, что всё может измениться, оно было похоже на дыхание весны и нежные солнечные лучи, пробивающиеся через окно. После стихотворений Светлана спросила Владислава в своём письме: «Как у Вас дела? Мне бы хотелось снова с Вами встретиться, но если Вы уже нашли с кем-нибудь своё счастье, я буду радоваться за Вас».

Владислав оставил свой телефон в коротком ответе, где благодарил за стихи. Он предпочёл вести со Светланой устную беседу, и они созвонились вечером. Её наполняла то радость, то робость и волнение, что он что-то не так поймёт. Но она подобрала самые лучшие слова, которые непременно должны были настроить его на желанный для них обоих разговор.

– Владислав, спасибо Вам большое, – радушно говорила Светлана, – Очень приятно было получить Ваше письмо. Я уже волнуюсь, как Вы сейчас...

– Светлана, всё хорошо, – ровным, но достаточно дружелюбным голосом ответил Владислав, – Мне приятно было получить Ваши новые стихи, спасибо за них. Соне тоже понравилась моя книга, я ей подарил.

– У Вас с Соней всё хорошо? – поинтересовалась Светлана, – Она Вам отвечает взаимностью? Заинтересована?

– Нет, к сожалению, она говорит, что всю жизнь будет любить только одного человека.

– Того режиссёра?

– Да, его, – Владислав продолжал говорить спокойным ровным голосом. Сложившаяся ситуация несколько не смущала его.

Светлана побледнела, но тоже сохраняла спокойный голос, она знала, что лучше ему попытаться объяснить:

– Вы понимаете, Владислав, она выбрала любовь к уже умершему человеку, а я хочу жить, я бы выбрала Вас. Неужели Вам лучше любить ту, которая любит покойника, чем обратить внимание, кто любит Вас?

– Простите, Светлана, – не терял самообладания Владислав, – Все мы выбираем любимого человека потому, что это только он, независимо от того, что было у него в жизни. Вы тоже утверждаете, что полюбили меня, когда ещё не знали.

– Совершенно верно, – уверенно ответила Светлана, – Я всё равно Вас люблю, несмотря ни на что. Если Вам будет нужно, позвоните или напишите, пожалуйста.

Душой Светлана погрузилась в печаль, хотя ни внешне, ни голосом это не показывала. Ей до сих пор нравилось всё живое вокруг – весна, посылающая на землю лёгкие солнечные лучи и скользящий ветер, звёзды, выступающие вечером на темнеющем небе и самые яркие живые цвета на картинах, которые она видела в своей галерее. При этом она думала, как не хватает рядом Владислава. Представляла она, как он погрузился в совсем другие чувства, будто бы построив вокруг себя крепость. Она чувствовала, что её жизнь – как картина, вполне похожая на многие из тех, что она видит в галерее. Только в композиции есть одно пустое незаполненное место. Себя она чувствовала на фоне свежей весенней природы, а отсутствие Владислава у неё ассоциировалось с пустотой, которую не могли заполнить на картине. Всё, что у неё оставалось – это воспоминания, стихи, которые она периодически писала и наслаждение всем, что радует глаз.

Владислав, всё также, немного помечтав о самом большом внимании со стороны Сони и не дождавшись его, продолжал заниматься любимым делом, на которое она его вдохновила. Он писал разные статьи, посвящённые ей, в журналы, а в своей радиопередаче придумал рубрику про кино. На этот шаг он также был вдохновлён образом Сони и всегда, начиная очередную программу, представлял свою возлюбленную. Он рассказывал о судьбах множества других актрис и их персонажей, а в мыслях в это время возвращался к Соне. Ему казалось, что она могла бы быть воплощением всех образов, созданных до неё, а её душевные качества – это то, чего ни у кого ещё не было.

Образ Сони на экране становился всё более красивым и ярким. Её тоже вдохновляла любовь, которой рядом не было и, которой, в отличие от случаев с остальными нашими героями, уже не было в этом мире. От переполняющей её силы чувства она играла с каждым разом красивее и красивее. Противоречивый момент был только в том, что ей хотелось сыграть трагическую роль или какой-нибудь серьёзный образ в мелодраме, а ей доставались роли весёлых темпераментных девушек. Она с одной стороны полностью вживалась в роль, чтоб побыть на время другим человеком, с другой стороны – находила отклик у себя настоящей. Она старалась играть так, как могло бы понравиться её возлюбленному, и её персонажи становились похожими на таких, какие нравились ему. Она была счастлива исполнить его мечту, несмотря на то, что он не увидит.

Когда Сонию показывали крупным планом, Владислав смотрел в знакомые до боли грустные глаза, в которых мог прочесть о ней всё.

Светлана в это время вспоминала Владислава, то слушая его голос, то смотря фотографии на сайте, то просто так. Она тоже теперь знала о нём многое, и ей с определённого момента стало достаточно знать, что он жив и здоров. Она привыкла к тому, что его восторженные отзывы были только о Соне. В душе её восторженные отзывы были тоже только о Владиславе, хотя ей нравился мир вокруг. Всё окружающее для неё выступало в роли красивых декораций. Весеннее солнце, первое цветение, люди, несущие или продающие пёстрые срезанные цветы, небо, меняющее вечером цвет на сиреневый, а затем на чёрный в звёздах – всё это было великолепной декорацией для несостоявшихся встреч и для воспоминаний о той, самой яркой встрече в жизни. Для Светланы так и останется самой яркой в жизни встреча, когда они с Владиславом познакомились. Часто она совершала прогулки на Австрийскую площадь – то место, где эта встреча состоялась. По счастью, эта площадь одна из самых спокойных в городе, где располагает придаваться воспоминаниям. Светлана снова чувствовала, как будто они с Владиславом стоят рядом с входом в бежевое каменное здание, не успев рассказать друг другу всё о себе. Она представляла себе прожитый момент, вспоминала, как они оба, особенно она, стояли рядом в ожидании нового знакомства, и как будто ждала чего-то снова.

Прошло два года. Снова был яркий весенний день. В парке на дорогах проглядывали первые жёлтые цветы, солнце лёгким золотистым светом заливало все живые силуэты вокруг, а также неподвижные силуэты деревьев и декоративных построек. Светлана вела за руку весё-

лую маленькую девочку, которая несла собранный небольшой букет цветов. Они были в платьях одинакового фасона и одинакового сиреневого цвета. Девочка оглядывалась по сторонам, пытаясь вертеться как волчок, улыбаясь всему, что видит. Светлана смотрела с солнечной счастливой улыбкой то на дочку, то вперёд, вся открытая миру, подарившему ей счастье.

Прямо на встречу им шёл мужчина с собакой. Он остановился, девочка протянула руки к собаке. Перед ними стоял Владислав. Его взгляд был очень задумчив. На редкость спокойным и таким же серьёзным выглядел его пёс.

Девочка погладила уши пса, который это охотно принял, потом коснулась мохнатых щёк, и он её нежно лизнул шершавым языком.

– Здравствуйте, – сказал Владислав мягким красивым голосом с грустной интонацией, но неожиданно для себя улыбаясь, – Я Вас ожидал увидеть, но двоих – нет...

– Здравствуйте, – ответила Светлана, всё также даря ему улыбку, – А у меня теперь всё хорошо. Это Лада.

Лада продолжала рассматривать пса.

– Хочу собаку, – уверенно заявила она.

Владислав улыбнулся ей и сказал:

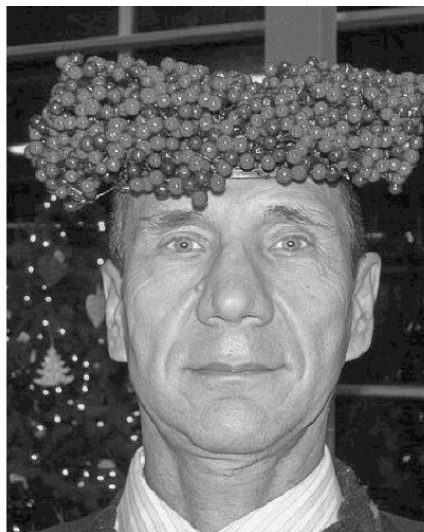
– Лада, это моя собака. А для тебя могу попросить у тёти Сони.

С этого момента Светлана и Владислав узнали всё друг о друге. О появлении Лады Светлана сказала, что решила родить ребёнка одна. На самом деле она взяла два года назад девочку из дома ребёнка. Владислав рассказал, что по-прежнему влюблён в Соню, и она тоже решила остаться верной одной любви. Она открыла приют для бездомных животных, о которых заботится со всей самоотдачей. Своего пса Владислав взял у неё.

Лада снова пыталась гладить и чесать за ухом собаку, которая принюхивалась к ней. Светлана радостно смотрела на девочку, в которой было столько жизнерадостной энергии, столько любви ко всему живому. Светлана и так была счастлива, но на мгновение она почувствовала, как будто она опять вместе с Владиславом. Как будто это ещё одна попытка несостоявшегося близкого знакомства. Для неё было важным то, что каждый из них нашёл счастье в своём. У Владислава был серьёзный глубокий взгляд, устремлённый вдаль. Такой же взгляд был у его пса, полный мудрости и как будто готовый вести за собой по неизвестным следам. По вечерам дома Владислав записывал свои заметки, читая псу и вслух вспоминая Соню. Казалось, что пёс тоже вспоминает её, благодаря чьим добрым рукам он попал в другие добрые руки. В этот раз Владислав оказался в Питере, потому что иногда приезжал туда или по делу, или чтобы вспомнить хорошо знакомые места. Со своей собакой он никогда не расставался.

Светлана и Лада провожали их жизнерадостными улыбками. Лада им помахала округлой розовой ручкой. Светлана любовалась девочкой на ярком весеннем фоне, и ей хотелось улыбаться также беззаботно. Она дала уйти Владиславу с собакой туда, где они будут, согревая друг друга, предаваться воспоминаниям.

ГЕННАДИЙ КУЛЕШОВ

Приветствую Вас. Немного о себе: В 1992 – 1993 я крутился на Измайловском вернисаже, туда в субботу, воскресенье приходило много иностранцев в перестройку. Там здоровенная гостиница рядом и метро в четыре крестообразных корпуса. Я там на вернисаже торговал ювелиркой прямо на улице (тогда можно было). Постепенно познакомился с десятком киношников, в том числе и из «Голливуда»... «Криминальное чтиво» я Тарантине надиктовал на диктофон. Он тогда был начинающим в кино и его мало кто знал. В Штатах он держал прокат видео на плёнках. Потом было ещё несколько реализаций, – хорошо заплатили... Но!.. Времена изменились, всех с улицы стали выгонять, а номера телефонов этих ребят я не сохранил. ... Алгоритм заработка в кинопроизводстве состоит в талантливом синопсисе – киносценарии, в поиске талантливого режиссёра – продюсёра, талантливых актёров и толковой рекламе... Были ещё 3 – 4 наработки сценариев... Но не получив сразу оплату – охладел к этому виду творчества, да и разгонять стали с улицы, где мы импровизировали наговаривая на диктофон... Иногда собиралось по 8 – 10 человек. После разгона я ещё пару раз туда залетал. Умилился вопросу, с которым ко мне обратился незнакомый парень. Он спросил: – А где тут расположен театр одного актёра? На что я ответил: – Актёр это я, а театр разогнали... Я уже писал, что к моему недоумию я растерял все контакты – телефоны этих ребят, а когда стали приходить очень приличные деньги (через полгода – год) выяснилось, что пересекаться больше не с кем... Интернет только начал развиваться и я не обратил на него внимания. Лет десять назад сделал ещё 8 – 9 набросков – синопсисов в надежде в лёгкую, но было утрачено моё реноме, как талантливого создателя (меня элементарно забыли, документами об авторстве я не удосужился обзавестись). Обратился к вам в надежде заинтриговать вас и поделиться с вами. Согласен на пополамное вознаграждение с заинтересованными.

Мания величия, звёздная пыль и чёрные дыры вселенной

Киноновеллы (синопсисы)

Часть I

Я ИЗ ДЕЛА УШЕЛ

Я из дела ушел, из такого хорошего дела!
Ничего не унес – отвалился в чем мать родила, —
Не затем, что приспичило мне, – просто время
приспело,
Из-за синей горы понагнало другие дела.

Мы многое из книжек узнаем.
А истины передают изустно:
«Пророков нет в отечестве своем, —
Но и в других отечествах – не густо».

Растащили меня, но я счастлив, что львиную долю
Получили лишь те, кому я б ее отдал и так.
Я по скользкому полу иду, каблуки канифолью,
Подымаюсь по лестнице и прохожу на чердак.

Пророков нет – не сыщешь днем с огнем, —
Ушли и Магомет, и Заратустра.
Пророков нет в отечестве своем, —
Но и в других отечествах – не густо.

А внизу говорят – от добра ли, от зла ли, не знаю:
«Хорошо, что ушел, – без него стало дело верней!»
Паутину в углу с образов я ногтями сдираю,
Тороплюсь – потому что за домом седлают коней.

Открылся лик – я встал к Нему лицом,
И Он поведал светло и грустно:
«Пророков нет в отечестве своем, —
Но и в других отечествах – не густо».

Я влетаю в седло, я врастаю в коня – тело в тело, —
Конь падет подо мной – я уже закусил удила!
Я из дела ушел, из такого хорошего дела:
Из-за синей горы понагнало другие дела.

Скачу – хрустят колосья под конем,
Но ясно различаю из-за хруста:
«Пророков нет в отечестве своем, —
Но и в других отечествах – не густо».

В. Высоцкий

В выше приведенных новеллах, по которым хотел бы снять кино, выступает от первого лица, часто под именем «Герой», не потому, что уж так сильно нескромен, а скорее потому,

что понимает – если сценарий дойдет до режиссера, то тот все равно вставит какое – то свое имя личное, как бы ни назвал его сценарист.

Как правило, родившегося мальчика, все равно называют в «честь деда» – своя рука владыка!

Внешне: несколько выше среднего роста, нормального сложения, любопытные глаза (женщины—дурнушки называют такие глаза «бесстыжими», а хорошенькие – нахальными).

Лицо обычное, часто задумывается (не всегда в подходящем месте), из-за чего проезжает свою остановку.

Редко мысли злые, чаще снисходительные: «люди как люди – был бы лучше организован квартирный вопрос – было бы больше добрых».

Жалеет калек, особенно было жалко беременную женщину, просившую подаяния, и поразили две скрипачки, играющие в метро Бетховена!

Убежден, что многие фильмы, вышедшие 8—12 лет назад надиктованы им на диктофон голливудским киношникам на Измайловском вернисаже, который уже тогда валом посещали иностранцы и где он, Герой, подрабатывал ювелиркой (одна родственница его пациента была до глубины души поражена и возмущена тем, что доктор, который приезжал по «скорой» к ее матери подрабатывает в Измайлово. Знала бы она, что он еще и надиктовывает киносценарии!)

С месяц назад спрашивал в DVD-лавке: «Есть ли „Красота по-американски“, хочу показать своему ребенку».

«Ребенку не надо, ребенку нельзя!» – заявляет ему средних лет интеллигент.

«Нет? Но фильм подвигает к размышлению, его надо смотреть, а не пересказывать» – отвечает Герой.

«А вы пересказывали и он, ваш ребенок, что-то понял? Хотя... а сколько вашему ребенку лет?».

Герой: «Двадцать... двадцать восемь (опять соврамши)».

«А что, это тоже ребенок – философски комментирует интеллигент, – такому ребенку не нельзя, а нужно смотреть такой фильм».

Самое занятное, что Герой отчетливо помнит, как надиктовывал этот фильм кому-то по телефону в период душевного кризиса, лет пять назад, считая, что все кончено! И это обстоятельство умилило Героя в беседе с интеллигентом.

Когда внезапно возникает
Еще не ясный голос труб,
Слова как ястребы ночные
Срываются с горячих губ!
Мелодия как дождь
Случай звенит и стонет
Меж людьми...
Надежды маленький оркестрик...

Б. Окуджава

Чтобы лучше понять ниже написанное, наверное, нужно знать, что Герой к таким фильмам, как «Однажды в Америке» и «Крестный отец» относится отрицательно, так как называет их прекрасной работой кинематографистов, но вектор этой прекрасной романтики направлен на деструкцию, считает Герой. И, напротив, присваивая себе сюжетную линию фильма «Криминальное чтиво» с гордостью заявляет, что лично лечил, в смысле кодировал от пьянства, одного молодца, который намекнул, что для него фильм стал культовым, в том смысле, что после него парень порвал с группировкой и стал нормально работать!

Надо сказать, что в судьбе Героя есть одна тайна, которую до поры до времени он не хочет раскрывать, так как она затрагивает судьбы других близких ему людей, а корреспонденты-папарацци сейчас звери: «ни маму, ни папу не пожалеют». Вон как разобрались с Киркоровым и с Пугачевой!

Ну и надо не забыть, что Герой – патриот, в хорошем смысле этого слова. Прекрасно помнит полет Юрия Гагарина и то счастье, которое распирало мальчишескую грудь Героя, и как перехватывало у него дух, когда в кадрах кинохроники (как он узнал потом, правда, постановочных) водружали наше знамя над Рейхстагом.

Хотя, надо отдать должное, он был не менее потрясен фашистской фотохроникой и знаменитым фильмом о патетике фашистских символов и знаков, которые, как он считает, угловорил употребить посредников киношной индустрии в фильме «Гладиатор», о котором тоже может много чего рассказать.

Ну что еще сказать, наверное, надо не забыть о детях. Мальчишками они с братом плавали на двух лодках, рыбача на подмосковном озере с отчимом.

Так, брат там чуть не утонул, уплывая за поворот, и став не достигаем для отца. И еще запомнилась игра в футбол с пацанами из Подмоскovie, которых они с приятелем – туристом организовали сходить в поход, и жесткий конфликт между мальчишками, который с трудом ему, Герою, удалось погасить. Была и кубышка, закопанная на одном из островов, где была топографическая вышка, с которой правда никто не падал и не разбивался, помните «наш» фильм «Возвращение».

Естественно, по умолчанию, наш Герой – вун. Но таков его профиль работы, он психотерапевт. Корыстью в его лукавстве (назовем это так) является отказ людей от отчаянья, от тяжелой алкоголизации.

В «психотерапевтическую песнь» (так это называется по-научному) входит убеждение каждого, что он родился неординарным, да вот только ему не повезло в том смысле, что ему вовремя об этом не сказали, не убедили его в том, что он не винтик, не «серая мышь», а уникальная часть этого мира, без которого он, этот мир, стал бы лучше – хуже – не известно, но точно этот мир был бы другим.

Вообще-то, Герой убежден, что этот мир нуждается в заботе. По сути Герой не отказывается от религиозных догматов, мол «Господь обо всем позаботится», но с начала времен массовых злодеяний над мирными, невинными людьми в новой истории, в период жизни самого Героя, когда... ну, наверное, не стоит перечислять их, мы все их знаем и не должны забывать («пепел Клааса стучит в моем сердце!»).

Так вот, Герой не дискутирует о религиозных догматах, но с грустью констатирует, что людям нужно быть начеку, чтобы злодеяний было меньше, так как Господь Бог, видимо, очень занят строительством огромной Вселенной и не может за всем усмотреть!

Герою жаль Обломова, но про себя он отмечает, что «нельзя же быть, голубчик, таким ленивым, по поводу радостей в своей судьбе надо хлопотать, а не то эти радости пройдут мимо, и захочется их догнать алкоголем или, тем паче, наркотиками».

Наш Герой азартен, но никогда в этом не признается, так как считает азарт обоюдно острым мечем: в жизни надо быть спорщиком, но нельзя терять при этом голову, (опять же до 10% населения «подсели» на игры в примитивных игровых автоматах и тащат, так нужные своим семьям, заработанные деньги не домой, а «чужому дяде» в игровой клуб). Кстати, это часть профессии выбранной нашим Героем – пристрастие к азартным играм – это навязчивое психопатическое состояние из разряда навязчивых состояний к психоактивным веществам (особенно к алкоголю!).

Герой терпеть не может фильмы «Особенности национальной охоты» и «Особенности национальной рыбалки», где герои ящиками пьют водку, смеются как идиоты, падают, как клоуны, и, в результате, четверть россиян становятся (некоторые на время, а некоторые навсегда) –

идиотами. А смертность в России уже много лет превышает рождаемость раза в два. С такими темпами лет через десять – пятнадцать половина, а может и больше, россиян заменятся другой (не обязательно чуждой, но другой) культурой, и то, что не доделали большевики, доделают капиталисты в нашей многострадальной стране, считает он.

И из классических умозаключений Героя: женщины и дети – это цветы, он часто подглядывает за их общением, когда ездит по своим делам. Зрелище, когда мама «упаковывает» своего ангелочка в капюшон и укутывает шарфиком, чтобы его щечки не замерзли в наши Крещенские морозы, достойны кисти великих гуманистов возрождения! Папа любвеобильно чмокает семилетнего сына в щеку, тот благосклонно принимает ласку и комментирует: «... да, да, хороший мальчик!»

Мальчишка, которому по «скорой» врач собирается уколоть жаропонижающее, ложится на пол и заворачивается в ковровую дорожку с безнадежной напевной репликой: «... не дамси...», – в смысле укола!

На даче в подлесе несколько приотставшая шестилетняя девочка сообщает ангельским голосом Герою и его жене: «... а вон там впереди, мой друг Васенька, мы идем с ним в магазин...»

О природе и животном мире мы не упоминаем, так как они входят в «весь мир», о котором надо заботиться.

Многие могут сильно засомневаться в том, что наш Герой причастен к созданию нескольких этапных фильмов. Вот тут необходимы разъяснения.

Дело в том, что в психологии есть прием так называемого «мозгового штурма», когда группа веселых, умных, хорошо доверяющих друг другу людей работает над какой-либо проблемой. Очень часто в таких мозговых штурмах рождаются нестандартные решения, казалось бы, неразрешимых задач. Например, поставлена задача: группа на подводной лодке, которая находится на плаву, в надводном положении.

По условию задачи подводную лодку атакует противник и атака эта достаточно грозная – он выстрелил в борт подводной лодке торпедой и та стремительно приближается с целью поражения. Что делать? И в смешливой форме высказывает лишь одно решение: «Надо всей команде выскочить на палубу и неистово надув щеки дуть в сторону торпеды, дабы она сбилась с прицельной трассы и прошла мимо». И что вы думаете, военные практики на серьезном интересе изучали такую возможность защиты подводных лодок от торпед противника.

Да что там говорить, уже давно многие разработки психологов взяли на вооружение технические фирмы всего мира и некоторые настолько преуспевают в этих находках, что опережают своих конкурентов и становятся огромными корпорациями.

Много лет назад прочитав об этих тенденциях в современных психологиях Герой однозначно понял, что только свободный и раскрепощенный человек, наверное, с хорошо развитым чувством юмора и чувством локтя в хорошем смысле этого слова, может выдать «на гора», что-то гениальное. Неосознанно тренируя в себе эту мысль, наш Герой влетал в огромное количество трагикомических ситуаций, так как по установке свободный, раскрепощенный, умный и с чувством юмора – это всегда уязвимый человек! (А наш мир, сами понимаете, не без хищников у которых нет комплексов!) Ну, это, по существу, плата за счастье быть в таком статусе.

Так вот, в период драматических ударов судьбы надо было или умереть или выжить по возможности выиграв!

Как говорил «тот самый Мюнхгаузен» гениального Марка Захарова, наш Герой конечно выбрал второе! Он стал общаться на Измайловском вернисаже с иностранцами и, в конце концов, вышел таки на киношников, которым он стал в режиме non stop генерировать сюжеты, сценарии, образы, метафоры и мифологемы. Достаточно быстро вокруг образовалось поле заинтересованных кинопосредников от Голливуда (в этом мире творчества слухи расходятся быстро)

и постепенно наш Герой стал втягивать эти команды в выше рассказанные условия самореализации.

Он просто сажал команду от такого-то режиссера за стол и спрашивал, что им нужно. Например, Герой мечтал создать музыкальный непредсказуемый сценарий из образов, напетых гениальным Владимиром Высоцким, но ребята не знали творчество нашего великого барда, и на ходу пришлось вспомнить гениев рока, гениев мюзикла Pink Floyd с их «Стеной» и «Иисус Христос – Суперстар».

«Стена», например, была гениальна по умолчанию, у ребят видимо было озарение, когда они делали эту музыку, а авторы мюзикла «Иисус Христос – Суперстар» просто внаглую для усиления творческого компонента принимали ЛСД.

Герой знал об этом и на ходу предложил выпить крепкого кофе и послушать «Стену», которую регулярно слушал последние три года и знал каждую музыкальную фразу и эта каждая музыкальная фраза уже порождала в воображении Героя десятки раз образы детства, любви, отчаянные вытаскивания себя за волосы и жесткий выбор быть лидером в своей судьбе.

Работа пошла сходу, через два дня были даже умозрительно введены в роль кормовые червячки из аквариума с золотыми рыбками!

Вот вам и «мозговой штурм». Видимо в творчестве нет ничего более гибкого и мощного одновременно! Ведь творческий одиночка, самореализовываясь, рискует быть не востребованным в этой жизни, ему трудно просчитать сиюминутные запросы толпы, он импровизирует, но импровизация в одиночку часто заводит в тупики и только живые глаза, эмоции, сочувствие или пренебрежение делают всех участников сотворцами! Вспомните Высоцкого с его песнями для «своих», Пушкинские «Маленькие трагедии», Швейцара с их импровизатором! То-то же!

Надо учесть и мощный вал культурно-эмоционального фактора, который ворвался в Советский Союз в период перестройки. Один Вагнер чего стоит с его валькириями! («Апокалипсис» Френсиса Копполы с Марлоном Брандо наш Герой тоже присвоил!)

А гениальная Лени Рифеншталь (Берта Елена Амалия) с ее «Олимпией» и «Триумфом воли» и переклички ее творчества в «Гладиаторе» Ридли Скотта!

Часть II

Свобода приходит нагая,
Бросая на сердце цветы
И мы с нею в ногу шагая,
Беседуем с небом на ты!

Велимир Хлебников

Чёрная дыра

(Как от нее увернуться, чтобы она не стала могилой!)

Где найти начало того конца, которым начинается начало?

Чёрные дыры, космические объекты, существование которых предполагает общая теория относительности. Образуются при неограниченном гравитационном сжатии (гравитационном коллапсе) массивных космических тел (в частности, звезд с массами 40—60 масс Солнца).

Излучение Черной дыры не может покинуть Черную дыру – оно «заперто» гравитацией.

Черную дыру можно обнаружить лишь по косвенным данным. Известно более 5 объектов, включающих в себя, вероятно Черные дыры, однако нельзя считать их существование окончательно доказанным. (энциклопедический словарь ТЕРРА, 1998 г)

Новый тип гипотетической черной материи вселенной – набитые разными атомами шары диаметром 20 см описывают два физика-теоретика – один в Шотландии, а другой – в Дании.

Понятие черной материи появилось для объяснения быстрого движения галактик, не поддающегося описанию с учетом только обычной, видимой материи, составляющей все объекты вселенной. Таинственная черная материя не излучает и не поглощает электромагнитных волн, почему ее и назвали «темной», и присутствие этой субстанции выдает только гравитационное воздействие на обычную материю.

Согласно стандартной космологической модели обычная материя занимает всего лишь 5% вселенной, а остальные 95% отводятся темным или скрытым материи и энергии, по 25 и 70%, соответственно. И эти темные составляющие – величайшая загадка современной космологии. Новая модель организации темной материи, предложенная Колином Фроггатом (Colin Froggat) из Университета Глазго (Glasgow University) и Холджером Нильсеном (Holger Nielsen) из Института Нильса Бора в Копенгагене (Niels Bohr Institute in Copenhagen), как сообщает портал physicsweb, укладывается в рамки существующей Стандартной модели ядерной физики. Т.е. она не предусматривает никаких новых фундаментальных частиц или взаимодействий, и в этом ее отличие от прежних теорий, касающихся темной материи.

Модель Фроггата-Нильсена предсказывает также соотношение темной и обычной материи, которое совпадает с данными картирующего реликтовое микроволновое излучение, т.е. эхо Большого взрыва микроволнового анизотропного зонда Уилкинсона (WMAP). Но при этом она допускает существование некоего «альтернативного вакуума». Он обладает такой же плотностью энергии, или «космологической константой», как и наш обычный вакуум. По подсчетам Фроггата и Нильсена, два вакуума разного типа разошлись по разным углам вселенной вскоре после ее образования, благодаря так называемым «доменным стенкам», которые возникли в условиях высокой температуры на заре мироздания.

По словам ученых, буквально через секунду после Большого взрыва стенки сформировали шары, которые инкапсулировали материю внутри участков альтернативного вакуума. И таким образом могли быть захвачены все нуклоны, т.е. частицы, из которых построены атомные ядра. Вслед за тем образовались первые легкие ядра, гелий, например, но шары при этом сокращались в размерах, сморщивались.

И сокращение продолжалось до тех пор, пока ядра гелия не сливались с образованием более тяжелых ядер, сопровождающимся выбросом энергии в последующей цепной реакции, а это, в свою очередь, выталкивало нуклоны из шаров. По новой модели, так высвободилась и стала обычной материей одна шестая часть всех нуклонов, остальные так и остались темной материей внутри шаров альтернативного вакуума. Шары с темной материей могут весить до 10 в 11 степени килограммов и находиться внутри тяжелых звезд. И они же, возможно, при-

ближают их конец с образованием сверхновой, т.к. подпитываются веществом звезды, а потом выбрасывают энергию, достаточную для взрыва.

Апрель 2005 года. (холодно, моросит дождь.)

Я тороплюсь на вечерний вызов, (30-ти летний пациент требует нейтрализовать антиалкогольную кодировку) несколько опаздываю. Вбегаю в мокрый подъезд (дождь, сумерки) пятиэтажки, где-то на Дмитровском шоссе, и натываюсь между первым и вторым этажом на странных людей: двое парней пресытившегося вида и молодая женщина, похоже – их пресыщавшая.

Поднимаюсь на второй этаж, дверь открыта, накурено (явно – квартиру снимают). В коридоре меня встречает подруга той, что внизу, объясняет мне: «Видите ли док, вчера его вывели из пятидневного запоя и попутно закодировали на год уколом от водки, а сегодня он передумал, требует нейтрализации кодировки».

«Что ж, желание наших больных – для нас закон, несанкционированное употребление спиртного грозит тяжелыми последствиями».

Вхожу в комнату и вижу лицо напряженного парня крепкого телосложения с несколько агрессивным полуоборотом.

Здоровуюсь, сажусь, начинаю говорить о вреде алкоголя, но в глазах собеседника не просто полное равнодушие, выражение лица такое, как будто это я ему вчера ввел кодирующий укол без его согласия и таким образом поправил его свободу.

Пытаюсь сменить тему: волевая установка вообще и для мужчин в частности. Настоящий мужчина не должен быть рабом химии, наркотических веществ, а иначе он легко может стать рабом чужой воли (может быть и криминальной). Парню лет тридцать, но он, видимо, не обременен семейными обязательствами и основная сфера его деятельности, наверное, это отстаивание своей свободы за счет несвободы других! Завожу разговор о реальных примерах судеб и мужества: Высоцкий, Цой, Круг; фильм «Гладиатор» Ридли Скотта и др.

Упертый парень вдруг меня перебивает и жестко говорит: «Ридли – наш человек, про Цоя – не знаю, а Высоцкий и Круг – тоже наши. Рассела Кроу мы тоже сделали нашим. И ты наполовину наш, но мы тебя сделаем полностью нашим?»

Я минуты две-три сижу «глаза в глаза» и молчу: сказано сильно!

Входят двое (были на кухне) такие же негибимые и сходу начинают ловить меня на банальности долгосрочного антиалкогольного лечения. Я маневрирую, но голос теряет уверенность и я понимаю, что проиграл. Смысл игры непонятен, но я проиграл т.к. должен был знать смысл и правила, а я почему-то не знаю!

Я сделал внутримышечно никотиновую кислоту моему алкогольному оппоненту и начал было собираться, но тот меня остановил: «Не торопись, сейчас придет мой брат, мой названный брат; он нас и рассудит» встал и ушел на кухню без других комментариев. Через минут пять я все же закрыл свой чемоданчик на молнию, но тут вошел мой пациент и снова попросил подождать своего брата.

Через три-четыре минуты я стал ерзать и готовиться к прорыву. Он это почувствовал, вытащил из кармана пятьсот рублей, протянул их мне и вдруг сообщил, что после укола ему стало хуже! Только тут я заметил, что он прижал ватку к кубитальной (локтевой) вене, которую я не прокалывал иглой (я уколол его только в ягодицу). Я резко встал, и медленно пошел в прихожую. Мой пациент тоже встал, обогнал меня и нырнул на кухню. Послышались голоса людей о чем-то спорящих типа: «... да я уже десять раз звонил, ... знает, где его носит!»

Я вышел в подъезд и начал медленно спускаться. Меня не останавливали, но курируемый мной парень вышел вслед, остановился у дверей квартиры и стал молча пристально смотреть на меня. Я продолжал движение, на всякий случай держа правую руку в кармане брюк, но ничего не произошло, я вышел во двор и пошел под дождем, почти не замечая его в сторону метро...

Утром женский голос мне позвонил и сообщил, что вечернему моему пациенту стало хуже: у него отекло лицо, ноги, ему не хватает воздуха и главное: он не мочится! Я предложил вызвать «скорую» и отключил свой мобильник на сутки!

Время пошло! Как говаривал Саня Масляков в КВН-ах.

На третьи сутки у меня сложилось впечатление, что мои контактеры в разной степени осведомлены в деталях медицины: быстро развиться отеки могут только в случае блокады, закупорки почечных канальцев. Чаще всего эта закупорка бывает обломками молекул белка-альбуминами (симптом сдавливания) или при введении другой группы крови в кровяное русло. Первое отпадало, второе было невероятно: что бы «свои» ввели внутривенно пару капель крови моему пациенту? Но зачем?

На этот вопрос я смог ответить только через месяц! Несколько раз сам чуть не отправившись на тот свет и чуть не отправив, вернее не став свидетелем отправки своих близких.

Шапка невидимка

Прошло немного времени. Телефонный звонок. Голос мужчины спокойный, вежливый, грустный. Смысл текста: «Все мы смертны; как я представляю свой конец?» Теплые нотки в голосе незнакомца придают мне уверенность, что я у преддверия чего-то мощного, вселенского. Я это сообщаю, он подтверждает.

Мы философствуем о смысле жизни и смысле ухода – смерти. Я рассказываю о своем видении своей души, которая облегченная, движется...

Куда? И я вижу, что она движется к краю галактики! Почему?

Галактика – это темная бездна с медленнодвигающимися малыми большими и огромными планетами, которые вращаются вокруг какого-то условного центра. Я описываю абоненту (я представляю его «грустным галстуком») – как я двигаюсь на край и вдруг возникает любопытствующий вопрос: «а интересно...»

И мы начинаем размышлять о деталях, в том числе не есть ли центр: черная дыра со своей всей сверхсилой, сверхмассой «затягивающий» даже свет».

Возникает аналогия элементов наверху стакана с жидкостью, которую размешивают ложкой. Но не понятно, как такая аналогия может обладать сверхцентростремительной силой.

Или я один, или мы вместе пробуем из одной плоскости представить себе десятки тысяч («стопку блинов...») триллионов. Но встает вопрос – какова толщина этой стопки? И появляется логический ответ.

В этих точках скорость движения материи и света примерно одинакова и мы видим в этих местах все, что движется со скоростью того диапазона волн, который способны воспринимать наши органы зрения.

Все, что обладает большей скоростью, находит другой стабильный уровень и становится видимым только из «этого другого» диапазона, который обязательно должен быть стабильным в этом диапазоне.

Поэтому там ничего «не пропадает», а становится просто невидимым из нашей точки, т.к. там другая «стабильная» скорость материи.

За счет «центральных» сил: сил в условном центре «бублика» там происходит пресловутое искривление «пространства – времени» – переход в другое измерение!

Но вновь непонятно, что делается в центре: время, вращение остановилось? Если предположить себе, что это «черная дыра», то эта дыра не будет втягивать в себя все в том числе и свет! И вдруг рождается предположение, что галактика, это подобие торриодального трансформатора, но с очень узким центром!

Она не втягивает. Просто скорость в этом месте, в центре превышает скорость света и делает движение материи невидимым из мира с привычной скоростью света! 0, ну это классика! Но впервые возникает желание смоделировать это на компьютере, учитывая его колоссальные возможности!

А, может быть, этот узкий центр и есть «черная дыра»!

Я возбужденно сообщаю абоненту «как жаль улетать на край галактики (подразумеваю силовой уход из жизни на который он намекает) не слетав в „черную дыру“».

Возникает «непринужденная дружеская обстановка» и я начинаю манипулировать ситуацией. Я спрашиваю, нет ли поблизости мощного компьютера с программистом. Он отвечает, что если поискать, то найдем. Через некоторое время он или они перезванивают. Я рассказываю, но попутно понимаю, что в каждом компьютере есть автоматическое ограничение математического выражения скорости движения условного вектора. Я предлагаю снять это ограничение.

Проходит несколько часов. Звонит мой абонент («добрый галстук») и тревожно сообщает, что компьютер исчез...!

Я взволнованно ерничаю что, мол его может «засосало в черную дыру?»

С некоторым интервалом (может десяток часов, может несколько дней) уже «растерянный галстук» звонит мне и вновь сообщает об исчезнувших (или исчезнувшем?) компьютере.

На этот момент моя работа наркологом еще более осложняется: (именно я воображаю трехмерную модель и понимаю, что она должна быть похожа на так называемое ограничительное резиновое кольцо для женщин, что продаются в аптеках). На грани нервного срыва, я начинаю путать абонентов, в том числе и теперь уже лояльных ко мне. В определенный момент, когда мне вновь звонят об исчезнувших компьютерах, я вступаю в волевое управление ситуацией. Перед волевым воздействием я спрашиваю у «галстука», есть ли вблизи аптека и рекомендую зайти в нее и попросить баранкообразную резинку «для женщин» – сказать, что врач велел!

Он ее покупает со всеми комментариями об аптекарше, т.е. аптекарша обалдела от такой покупки «галстука» сорока лет.

Возможно, эта покупка совершенно вывела из равновесия «галстука», когда он сел в автомобиль и позвонил мне расспрашивая меня об утраченных ноутбуках.

Я слышу шум автодвигателя, сигналы машин и понимаю, что мой абонент на трассе; он подтверждает это. Я даю ему команду максимально разогнаться и повернуть налево... слышен скрип колес и грохот!

Мироздание

Через некоторое время другой «галстук» сообщает мне об уходе из жизни через автокатастрофу одного из наших соратников. Я спрашиваю: «Не повернул ли он перед гибелью налево». Мне отвечают, что именно налево и на большой скорости, и добавляют: «А не был ли я с ним в машине?»

Я отвечаю, что мол, в некотором смысле...

Через некоторое время, утром нахохленная жена с сонным лицом за чашкой кофе спрашивает меня, есть ли у меня какие-либо модели галактики.

«Галактики не галактики, отвечаю я – а мироздание на мой взгляд похоже на обыкновенный бублик, который стоил раньше в булочной семь копеек».

Жена смотрит на меня как на полоумного, молча уходит и приходит с женской резинкой. «Скажи пожалуйста, что это такое?» – напряженно задает она мне вопрос. Я весело отвечаю, что это и есть модель мироздания или галактики, я мол их все время путаю.

Через 2—3 секунды за окном раздается характерный глухой стук и тут же другой, третий.

Жена еще больше напрягается и подходит к окну. Нахмурившись еще более, она отходит от окна и говорит: «Я так и знала...»

Берет мобильник, набирает какой-то номер, сообщает об автокатастрофе за окном и говорит, что боится дальше расспрашивать.

Я невольно подхватываю «эстафету» и озадаченно проговариваю: «Мироздание не любит, когда слишком близко подходят к его разгадке и может убить шибко интересующегося!» – кстати, испытывая сам при этом некоторое волнение».

Через минуту добавляю: «Не долбануло бы по всему дому, хорошо бы спросить у консьержки о состоянии верхних этажей (не качало ли?)»

Мы быстро одеваемся («за покупками») и выходя из подъезда жена спрашивает у консьержки о чрезвычайных происшествиях в ближайшие минуты, на верхних этажах нашего дома. Но вроде все обходится на этот раз?!

Жена активно перезванивается с некими абонентами, я иногда вношу добавления, когда улавливаю смысл подслушанного.

Продолжаются налеты по телефону. Наконец кто-то из «программистов» открыто выходит на меня, звоня по 106—83—10. Разговор вежливый и я его поддерживаю. Разговариваем о некоторых странностях, а конкретнее об исчезновениях компьютеров.

Я начинаю раздражаться и спрашиваю, нет ли у их администратора предположения, что это я их умыкнул? Тот меня успокаивает, что мол «все в порядке» и я начинаю задавать наводящие вопросы, из ответов на которые начинаю понимать, что скорее всего ноутбуки в поле действия программ, имитирующих вселенную с «черной дырой» и в нее уходит весь видимый свет вокруг компьютера в радиусе 1—1,5 метра.

Когда я это начинаю понимать, я предполагаю самое простое – обесточить ту линейку столов с которых пропали ноутбуки.

Через несколько минут в телефоне слышны возгласы и я выясняю, что как только столы обесточили, компьютеры появились!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.